

Город вторых душ

Автор:

[Рута Шейл](#)

Город вторых душ

Рута Шейл

#ONLINE-бестселлерДвоедушники #3

Двоедушник Северьян Арсеньев – один из тех, кого называют экстрасенсами. В то время как его «дневная» душа, неустроенный фотограф Север, мучительно ищет свое место в жизни, Северьян каждую ночь изгоняет «сущностей» из квартир и домов, зарабатывает деньги, чтобы жена Севера рано или поздно могла оставить работу бармена, доказывает себе и окружающим свою незаменимость, а значит – право на существование. Быт семьи Арсеньевых почти не отличается от себе подобных до тех пор, пока Северьян не приезжает к девочке, одержимой, по словам ее родителей, духом погибшего друга, и не дает ей обещание найти нечто под названием «куделька».

Рута Шейл

Город вторых душ

© shutterstock.com

© Рута Шейл, 2020

© Дана Сидерос, стихотворение, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Дети уходят из города

к чертовой матери.

Дети уходят из города каждый март.

Бросив дома с компьютерами, кроватями,

в ранцы закинув Диккенсов и Дюма.

Будто всегда не хватало колючек и кочек им,

дети крадутся оврагами,

прут сквозь лес,

пишут родителям письма кошмарным почерком

на промокашках, вымазанных в земле.

Пишет Виталик:

«Ваши манипуляции,

ваши амбиции, акции напоказ

можете сунуть в...

я решил податься

в вольные пастухи.

Не вернусь. Пока».

Пишет Кристина:

«Сами учитесь пакостям,

сами играйте в свой сериальный мир.

Стану гадалкой, ведьмой, буду шептать костям

тайны чужие, травы в котле томить».

Пишет Вадим:

«Сами любуйтесь закатом

с мостиков города.

Я же уйду за борт.

Буду бродячим уличным музыкантом.

Нашел учителя флейты:

играет как бог».

Взрослые

дорожат бетонными сотами,

бредят дедлайнами, спят, считают рубли.

Дети уходят из города.

В марте.

Сотнями.

Ни одного сбежавшего

не нашли.

Дана Сидерос

1

Маленькая Сплюшка не мертва: она просто принимает отпуск. Будильник звонит ровно в шесть, все должны проснуться. Ненавижу это, особенно в выходные, когда хочется побыть жалким, но впереди солнечный день, и я так рад, что у меня есть силы справиться со всеми трудностями на своем пути! Мы завтракаем перед телевизором: я и детки, маленькая Сплюшка немного грустит. Сегодня я включаю «Винни-Пуха», ее любимого.

Можно было отказаться и не отдавать Сплюшку, но мне очень нужен тот фарфоровый Kestner (35 сантиметров, спящие глазки, тело из композита), чтобы разобрать его на детали, а он стоит едва ли не больше нее. Решения, решения, решения.[1 - Кукольная фабрика Иоганна Кестнера, прекратила существование в 1938-м году. – Примеч. автора.]

Вчера я вел с собой довольно грубый разговор, хотя нельзя ругаться при детях, а сегодня, как только закончился мультфильм, поцеловал Сплюшку в мягкий лобик и уложил в красивый пакет. От улыбки, милая, станет день светлей, перестанет плакать самый грустный... я не думаю, что это так. Просто ужасно боюсь. Год за

годом все становится таким старым, старым, старым...

В ожидании курьера пришлось убрать пакет в прихожую, чтобы не видеть больше свою совушку. Время пить обезболивающее и миорелаксанты. Детки пока посмотрят в окно, я тоже посмотрю в окно – а где там наша тетя? Всё, попрощайтесь с сестренкой, скоро у нас будет новый малыш.

Как обычно, вместе с покупкой я кладу свою рекламу и небольшой подарок – конфетки или украшение, и пишу к своим деткам инструкции, ведь они такие разные и не могут ничего рассказать! Сплюшка боится спать одна, а еще она любит, когда ей поют песенки, и читают сказки, и баюкают ее на руках. Я делал все это каждый день, пока не получил заказ, но настало время расставаться, и я надеюсь, что Сплюшка будет счастлива со своей новой мамочкой.

Я оплачиваю доставку и трачу лишние деньги, потому что не могу делать это самостоятельно. Иногда моя подруга Люс помогает мне с чем-то, но я не хочу ее утомлять и все равно оплачиваю помощь деньгами или покупаю ей красивые вещи. Сегодня Люс не может ко мне прийти. Незнакомый человек с моим свертком в руках отправляется по адресу – до свиданья, милая, на тебе такое красивое платье, ты обязательно ей понравишься!

Кто следующий? А я знаю. Мистер Зай уже забронирован в «Инстаграме». Мистер Зай красавчик, он умеет говорить: «Мамочка, я тебя люблю».

Мамочка, я тебя люблю. Ты помогаешь победить в моей битве.

Я нахожу удовольствие во всей этой боли – такова жизнь, которую ты дала мне, родная. У меня есть дружок, который сказал: «Когда твоя веревка заканчивается, хватайся за конец». Вот он, конец моей веревки. Как дела?..

Я стараюсь не думать о том, что спустя неделю маленькая Сплюшка надоест своей новой хозяйке. Закончатся песенки, сказки и сон на одной подушке. Совушка покроется пылью в серванте, пока ее не стащит какая-нибудь племянница или соседская девочка. Сшитое для нее платье подойдет дутому целлулоидному пупсу, а сама она окажется в корзине среди голых Барби с отломанными ногами и деталей от «Лего», погружаясь все глубже и глубже, чтобы во время очередной уборки... Во время... Не могу. Вниз головой в черный мусорный мешок.

О, моя девочка!

Вниз головой. И в мешок, в мешок.

– Саша? Саша, плохо?

Мама. Мама... Ма-ма-ма-ма-а!..

В темноте все дома казались одинаковыми. Сбросив скорость, Северьян всматривался в покосившиеся заборы в надежде разглядеть табличку с номером или названием улицы – ни того, ни другого не попадалось. Хоть бы один фонарь, здоровенная деревня-то... Сколько уже объездил: и таких – со школой, сельторгом и погостом, и помельче – в три избы да память предков, – но повсюду, под каждой стрехой неизменно торчала тарелка спутникового телевидения, а за каждой печью сидела «сущность».

Есми, поправил он сам себя, что ты, ей-богу, как бабка старая...

Чаще всего выяснялось, что сущность – в головах у хозяев. В таких требах Северьян отказывал. Можно было, конечно, совершить чин освящения и взять деньги, и ничего внутри бы не екнуло, однако репутация сама себя не создает. Если жильцы говорят, что слышат голоса и чувствуют чье-то враждебное присутствие, хотя никакой причины нет, то заниматься этим должен не он, отец Северьян, а специалисты иной квалификации.[2 - Треба – богослужебный обряд, который совершается по просьбе верующих. – Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.]

Но на этот раз действительно было. Он почувствовал раньше, чем в свет фар вышагнул и замахал руками тот самый Вырыпаев-сын, который звонил ему насчет обряда.

Северьян свернул на обочину, остановил машину и заглушил двигатель. Темнота сгустилась. Она пахла травой, и озером, и землей, остывающей после дневного зноя. Яростно стрекотали цикады. Прежде чем пожать протянутую ладонь, Северьян засмотрелся на звездное небо. Ладно, ни к чему здесь фонари...

– Вырыпаев, – повторил хозяин дома то, что он и так уже знал. – Сын.

На веранде вспыхнула лампа. Тут же появилась суетливая вырыпаевская мать: «Батюшка! Да вы проходите!»

Нырнув на заднее сиденье, Северьян достал оттуда расшитую золотом епитрахиль, надел ее на шею и солидно огладил ладонью. Самым щекотливым моментом было объяснить, почему он должен войти в дом один. «Хотите повидать своего мертвого супруга?» – не годилось. «Только он несколько изменился», – тоже не то. «Возможно, он попробует вас на вкус...»[З - Епитрахиль – принадлежность богослужебного облачения православного священника и епископа – длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь.]

Всякий раз приходилось импровизировать.

– Я проведу ритуал... – начал он и откашлялся. – Изгнания. Видеть его вам ни к чему. Пока не разрешу, к дому не приближайтесь и в окна не заглядывайте.

Младший Вырыпаев сощурился так, что стал напоминать сушеный урюк.

– А вы нас, батюшка, тем временем... – Мать ткнула его локтем в бок, но жест эффекта не возымел. – Не обнесете?

Северьян вообразил, как он хватает с тумбочки старенький кинескопный телевизор и, путаясь в полах рясы, пытается пропихнуть его на улицу через форточку под вопли и тычки засевшего в доме Есми – когда б не Вырыпаевы, посмеялся бы. А так только растянул губы в смиренной улыбке и посмотрел на хозяина дома насколько сумел ласково.

– Ты, – будто дитяти неразумному, пояснил он Вырыпаеву, – помыслами своими не меня обижаешь, а беса ублажаешь. Есть охота – стереги свое добро, но бес, как меня увидит, от страха начнет по избе скакать и в тебя, маловерного, войдет. И уд твой после этого до самой смерти не встанет, – припечатал он для надежности.

– Господь, твоя воля... – охнула вырыпаевская мать и перекрестилась.

Вырыпаев сошел с лица и потупился, явно что-то обдумывая.

– А ты сам-то как, батюшка? Не боишься? – крикнул он, когда Северьян, решив, что разговор исчерпан, направился к дому. – Сам-то он как?.. – Это уже матери, потому что Северьян до ответа не снизошел.

– Да ему, чай, и не надо, – забубнила та. – А такой молодой еще, видный, девки небось вьются... Тяжко, тяжело. Господь, твоя воля!

Девки... Тут с одной-то не знаешь, как разобраться.

Дом встретил его запахом плесени и тиканьем часов. Северьян прилежно разулся, поставил ботинки бок о бок и в одних носках прокрался в единственную большую комнату. Шкаф-горка с сервизом, иконы, вязанные крючком салфеточки. Из кухни погромыхивало. Северьян по очереди задернул все шторы, выволок в центр комнаты табурет и уселся на него, поджав ноги. Потер небритую щеку, достал из внутреннего кармана, подшитого к рясе, фляжку, приложился к горлышку, подозревая коньяк, но внутри оказался виски. Еще лучше. Северьян кашлянул – горло простудно саднило.

– Благословен Бог наш всегда!.. – заблажил он поставленным голосом.

Эти, снаружи, наверняка прислушивались. Хорошо бы соблюсти хотя бы видимость чиновсовершения.

– Хех, – крякнуло с кухни. Северьян не шелохнулся.

– Ныне и присно и во веки веков, аминь!

– Дристно! – нахально заявил все тот же голос. Следом появился его обладатель – Северьян заметил краем глаза, но виду не подал. Совершенно голый Есми пришлепал в комнату и развалился на хозяйской кровати, паскудно выставив на обозрение Северьяна вялый член.

– Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, иже везде сый... – забормотал Северьян, едва удерживаясь от смеха. Есми швырнул в него подушкой, но промахнулся. Северьян повторно приложился к фляжке и поддал смирения: –

И вся исполняяй, сокровище Благих и жизни подателю, прииди и вселися в ны...

- Говны! – всхлипнул Есми и обнаглел окончательно – подскочив с ложа, принялся исполнять вокруг табурета, на котором невозмутимо восседал Северьян, довольно гадкий пасадобль.

- И очис... Очисти...

Есми скакал, выкидывая непристойные коленца. Северьяну стоило невероятного труда не замечать его кривляний: он из последних сил тарачился прямо перед собой, но в конце концов не выдержал и расхохотался в голос. Есми замер в полупа и глядел на него с немым изумлением, как престарелый сатир, застигнутый с дудкой над столь же неюной девственницей.

- Эй, поп... Ты меня видишь?

Северьян утирал слезы. Есми присел перед ним на карачки и заглянул в лицо круглыми белесыми глазами. На его шее болталась петля с обрывком веревки.

- Видишь меня, что ли?

Вместе с осознанием этого к недоумершему Вырыпаеву-отцу вернулся стыд – метнувшись к кровати, он сдернул оттуда простыню и обмотал ею старческие чресла.

- Спасибо, – от души поблагодарил Северьян, усилием воли возвращая себе серьезность. – Так намного лучше.

- Да ты ж не поп. Ты вообще не человек. Кто ты такой?

Объяснять не хотелось – долго и муторно. И хозяева наверняка заждались.

- Я за тобой, – сказал он просто. – Сам пойдешь или уговорить?

- Только не бей. Пойду.

Окончательно присмирив, Есми скорчился в углу между шкафом и окном.

– Глянь сюда!

Северьян не сразу понял, что особенного он должен увидеть в растопыренной пятерне. Перстень этот дурацкий?

– Сноха, ведьма, со мной обвенчалась. Когда в гробу меня в лоб целовала, кольцо надела. Мне и себе. Теперь вот... При жизни от нее покоя не было, и после смерти, шалашовка, достала.

– Ой, да брось, – как от зубной боли, скривился Северьян и протянул руку ладонью вверх. – Давай его сюда.

Есми послушно начал стаскивать перстень с пальца. Тот поддавался туго, но все-таки шел. Едва заполучив вещицу, Северьян кинул ее в карман.

– Вот так. Делов-то.

– И все?

– Все. Пустое суеверие. Не бывает никаких ведьм.

Есми тарашился на него как агнец, ведомый на заклятие.

– Есть еще кое-что, – признался Северьян неохотно.

Вырыпаев-отец не перебивал и продолжал смотреть этим своим щенячьим взглядом. Уж лучше бы кричал, матерился, голым бы прыгал... а он сидит. Смотрит. И не жилось тебе, мужик. Чего тебе, мужик, не жилось-то?..

– Ритуал.

Каждый раз за этот «ритуал» себя ненавидел. Знать бы, кто вообще придумал такое изуверство над полумертвыми – заставил бы он этого демиурга самого себя... отритуалить.

- Будет больно?

Да уж не щекотно, хотя кто вас, полумертвых, знает. Выглядит отвратно, а как оно там изнутри...

- Обезболю, - пообещал он и открыл стеклянную дверцу шкафа.

Чашки нашлись только сувенирные - размером с наперсток и расписанные пастушками. Судя по слою пыли, едва ли ими часто пользовались. Северьян взял одну, дунул в нее, чтобы стала почище, и вылил остатки виски - хватило как раз до потертого золотого ободка. Достав из того же кармана мятый блистер, он вытряхнул в чашку одну таблетку. Пошипела, растворилась - и все.

- Залпом.

Есми цапнул чашку и поводил над ней бледным носом.

- Вискарь? Хоро-оший. Спасибо, не-поп. Лет десять вискаря не пил.

Пустая чашечка в его руке заметно подрагивала. Северьян подпернул ряску и тоже уселся на дощатый пол.

- И что теперь? - чуть слышно прошелестел Есми.

- Спать. - И для самого Северьяна слово звучало обещанием долгожданного отдыха, которого у него никогда не будет. - Крепко, спокойно и долго. Своим что-нибудь передать хочешь?

- Нинке скажи... Пусть самогон у Палыча не берет - отравится. Машину пусть продадут, за сколько смогут, а новую берут не белую. Ленку... - бормотал он сонно, но в окружающей глухой тишине каждый звук все равно слышался удивительно отчетливо. - Пашка не хотел Ленку насмерть резать. Напугать хотел только. Маню не найдут, утопла Маня. Вовка, что своих топором зарубил, тоже повесился - ты ему помоги, он там ходит и ножом себя ковыряет, а помереть не может. Нинке еще передай, пусть не плачет и простит меня, дурака... Не сдержался. Трижды с нового года Натаху ёб... Грозилась все Нинке рассказать, у-у, шалашовка...

И снова Северьяна одолело вязкое, темное. Тащило в себя, будто в топь – смерть, смерть вокруг, многих не стало, многие сошли в могилу. Все мы там будем. Скотдохнет, рыбы уснули, раки перешептались. Будущие мертвецы стоят сейчас за дверью, Господи, ждут, пока еще один помрет, чтобы вернуться, пить и есть, Господи. Несусветно хочется встать и выйти. Все, чего хочу я – встать и выйти, потому что нет здесь никакого смысла, Господи. Нет его ни во мне, ни вовне.

А хотя... Ладно.

Можно ныть и причитать хоть до морковкиного заговенья, но ритуал за тебя никто не проведет. Есми очухается, и все придется начинать заново. Скажи спасибо, что он смирный.

Выругав себя для бодрости, Северьян придвинулся к сомлевшему Есми и положил ладони на его лицо. Мерзкий, мерзкий ритуал.

– Со духи праведных скончавшихся, душу раба Твоего, Спасе, упокой... – прошептал он и вскрикнул – щеку будто ошпарило.

Внезапно очнувшийся Есми выставил руку, длинные ногти чиркнули Северьяна по лицу. Вдобавок он дергался и бил пятками об пол. Северьян навалился всем телом, стараясь не смотреть в широко раззявленный, с пеньками гнилых зубов рот.

– Куделька! – выпросталось оттуда зловонно и хрипло. – Кудельке! Ку!..

Всего мгновение, но до чего отвратительное, гори оно в огне дьявольском... Вырыпаев-отец опочил в муках. Раз на раз не приходится. Ку, чтоб тебя, ку. Ноги как ватные, самого трясет. Северьян отыскал умывальник, трижды намыливал руки и тер, будто хотел содрать кожу. Приоткрыл холодильник – у хорошей хозяйки всегда найдется... Знать бы еще, хлебная это слеза или ядреная сивуха Палыча. А вообще все равно.

В дверь неуверенно постучали. Хозяева... Северьян и думать о них забыл.

– Можно! – рявкнул он, выходя в прихожую.

Первой сунулась и сразу включила свет вырыпаевская мать. Следом втекли сам, теперь уже единственный, Вырыпаев и дородная дама с реденькими от завивки волосами – сноха Наталья, догадался Северьян и поневоле вперился взглядом в ее пухлые пальцы: кольцо было. Как есть ведьма.

– А что это у вас, батюшка... Тут вот, – ойкнула хозяйка. И пока Вырыпаев придирчиво осматривал жилище, а его супруга не сводила с «видного» священника заинтересованных глаз, она собиралась с духом, чтобы задать самый важный вопрос. Северьян не торопил, потому что знал, что обычно следует за ответом.

Он покосился на свое отражение в зеркальной створке шкафа – четыре длинных царапины на щеке вспухли и кровоточили.

– Отец Северьян, вы с ним говорили?.. Это правда он? Пашенька мой?

Его приглашали не просто так. И не просто так платили за обряд освящения дома много больше, чем взял бы кто-то другой. Мирились и с ночным рабочим графиком странного батюшки, и с его просьбой об уединении, которая прямо-таки кричала о том, что он шарлатан – но шарлатаном он не был. Приученные к наивным телевизионным шоу люди хотели в последний раз услышать своих мертвых.

– Вас зовут Нина?

Издав звук, похожий на крик раненой выпи, хозяйка привалилась спиной к дверному косяку, спрятала лицо в ладонях и заголосила. Сноха одарила ее взглядом, полным усталости.

– На кухню пойдете, – бросила она Северьяну и, проходя мимо, задела его плечом. – Скоро отпустит.

И без того не слишком ярое возмущение подобной холодностью окончательно покинуло Северьяна, как только на клетчатой скатерти появилось блюдо с пирожками (там грибы, тут капуста), кувшин ледяного кваса (с медом и хреном, прабабкин рецепт), молодая отварная картошечка, щедро присыпанная укропом, нежно поблескивающие маслом лисички, красноперые окуньки в лимонах и с набитыми гречкой брусками (муж наловил, у нас тут все

свое) и, наконец, огромная влажная бутылка, прямо тут же и откупоренная.

– Тяжело вам, должно быть, батюшка, – бархатисто улыбнулась сноха, подсев к столу. Разлила на двоих. Чокнулись.

– По силам.

– И что, прямо так их и видите?

– Не хуже, чем вас сейчас, – ответил Северьян и взгляделся в ее клеклое, прежде времени постаревшее лицо. – Спрошу – ответят, а не спрошу – сами расскажут. Им, мертвым, от чужих секретов одна тяжесть. Как и живым.

Но у той от его слов, по всему видно, ничего внутри не дрогнуло.

– Имя у вас до чего красивое, – гнула свое проклятая баба, подперев кулаком румяную щеку. – Северьян. Я б Северьяшей звала.

От тягучего говора Натальи, неприкрытого ее интереса и водки Северьян затосковал окончательно. Так крепко, что отвернулся, не желая видеть ни тетки этой, ни щедрой закуски. В окне ярким бликом отражалась лампа. Он смотрел на это пятно, не моргая, до рези в глазах, а Наталья все пришептывала:

– И пахнет-то от вас благодатно... То ли ладан, то ли чего. Как же вы поедете выпимши? А то оставайтесь, место найдется. Дайте-ка я вам йод достану, царапину прижечь надо...

– Не надо, – перебил он и попытался испепелить Наталью взглядом, но вместо ее одутловатой физиономии перед глазами все еще стояло алое пятно лампы. – И кольцо сними. Не придет он к тебе. Нет его.

Румянец живописно сполз с ее лица на шею и плечи, пережатые бретельками сарафана. К счастью, договаривать не пришлось – в кухне появился Вырыпаев. Он вошел, поддерживая всхлипывающую мать, усадил ее за стол и сел рядом. Из его рук переключалось в руки Северьяна несколько купюр. Повторно выпили, теперь уже не чокаясь. Слова покойного про самогон и белую машину, произнесенные как-то по-будничному, пришлось повторять по многу раз. Когда

припомнили и зарезанную Ленку, и соседскую девочку Маню, которая пропала еще в апреле, и то, как алкаш Вовка годами гонялся за женой и сыном по деревне с топором, но никто не придавал тому значения, Северьян решил, что настало время прощаться.

Вырыпаев увязался следом. Прежде чем выйти на крыльцо, он быстро глянул на мать, и та ответила едва заметным кивком. Видно, была у них к бабушке еще одна треба. «Хорошая ночь», – думал Северьян, шагая к машине по влажной тропинке. Вырыпаев прикурил папиросу – потянуло дымом и жженой спичкой. Где-то в лесу, за деревней, заливался трелями соловей. Да, людишки так себе, а ночь хорошая...

– Отец Северьян, – робко заговорил Вырыпаев. От бывшего недоверия в нем явно ничего не осталось. – Очень вы нас сегодня выручили. Еще бы соседям помочь... Любые деньги отдадут. С дочкой беда.

Сняв епитрахиль, Северьян перекинул ее через локоть, сложил руки на груди и кивнул – мол, излагай.

– Руденки, Толян и Катя. Здесь не живут, только на лето к бабушке своей приезжают. Сейчас они в городе, дочку лечат. Девять лет малой. Бес в нее вселился.

Северьян не сдержался и насмешливо вздернул бровь.

– Так-таки и бес?

– Бес! – повторил Вырыпаев и жутковато вытаращил глаза. С каждым словом из его рта вылетали брызги слюны. – Увидела, как дружок ее насмерть удушился, и началось. У них, сучат, это «собачий кайф» называется. Когда они друг друга...

– Знаю, – оборвал его Северьян и нахмурился: вспомнилось свое, крепко уже позабытое. – Что началось-то?

– Ну... Отрыжка эта. И голос. Чужой голос из нее идет. Как будто что-то наружу лезет, да застряло. Мы ей говорим – не рыгай, терпи. А она, или не она, а бес этот поганый, матами кроет, каких никто из нас не слышал, и говорит, что она

его, дескать... проглотила.

Северьян стоял, глядя во тьму. Пальцы Вырыпаева стиснули рукав его рясы.

- Верую я, батюшка. Не она это стала, не девочка. Как увидел - враз уверовал. Пить бросил, баб... к причастию хожу, богу молюсь. И вам сегодня поверил, потому что знаю, каково оно бывает. В желудке, говорит, держит меня. И показывает где, а у самой слезы так и текут... Вы б ее только видели. Ребенок - ну не врет же она. К врачам водили, и в храм на отчетку: семеро мужиков еле-еле удержали - царапалась, выла, батюшке в лицо харкнула... Устала, а сдюжить себя не может. Стоишь рядом, смотришь - и нутром чувствуешь, что эта сила - есть она. И страшно до усрачки. К экзорцисту возили в Стерлитамак... Не уйду, говорит бес, малая меня внутри держит. Держит его!

- Но я - не экзорцист...

Что, Северьяшка, струсил? Одно дело Есми с лица на изнанку гонять, другое - одержимая девочка... Не лезь ты в это, двоедушник. Фальшивый поп и поддельный человек. Взял деньги - уезжай. Дома Вика - россыпь веснушек, тапочки, точка пирсинга над верхней губой... Войти, не включая свет, скинуть с себя маскарад, схватить ее, обнять, горячую со сна - завозится, попробует отвертеться, но нет уж, нет-нет, нынче помыслы мои грязны... Чувство вины притупляется, когда носишь его в себе годами. По крайней мере, сейчас оно мучило гораздо меньше, чем первое время, когда Вика твердила про измену и то, что лучше бы нашла себе кого-нибудь совсем другого. Но не искала. Била его, жалела, отдавалась. Говорила: «Я представляю, что ты - это он». Засело занозой... Так он и не знал, стал ли для нее собой и кого она зовет на самом деле, когда произносит его имя.

- Отец Северьян... - подал голос Вырыпаев. И снова выросли вокруг черные избы за косыми заборами да столбы, похожие на могильные кресты. Похолодало, что ли? Нет, просто озноб.

- Я не могу ничего обещать, но съезжу к этим вашим Руденкам.

- Руденко.

- Да-да. Завтра ночью. Другого времени не будет.

На самом деле он просто боялся передумать. А если б знал, если имел бы силы истолковать последние слова убитого Есми – передумал бы прямо сейчас.

Но будущего вторые души не прозревают.

* * *

Откуда взялось? Почему именно сейчас? Знак ли это или просто совпадение?..

Летний лагерь. Бесплатная путевка от автозавода в глушь – и воздух не то чтобы чистый, и корпуса не то чтобы новые, но достаточно далеко от города, чтобы целых три недели не мозолят матери глаза. Северу пятнадцать: угрюмый темноволосый подросток в балахоне Burzum. Северьяну – его второй душе – всего два, но он на редкость быстро учится.

Маленьким того девятилетнего мальчишку называли потому, что в отряде был еще один Влад – на пять лет старше. Влад не представлял из себя ничего особенного – не интересовался ни спортом, ни музыкой, ни книгами. Однако он обладал одним решающим преимуществом – он умел пиздеть. Перепиздеть Влада не удавалось ни сверстникам, ни вожатым, ни, скорее всего, его родителям, и это внушало страх. Беспомощность. Желание махнуть рукой и не связываться. Но нельзя было не связаться с Владом, если он решил связаться с тобой.

Маленький Владик стал жертвой не потому, что выглядел жалким в своих старых шмотках. Не потому, что подводил отряд на эстафетах и не потому, что первые несколько дней в лагере плакал по маме, братьям и сестрам. Просто Владу нужна была жертва, а маленький Владик сразу попался ему на глаза.

Все началось с пинков, тычков и обзываний, которые всем казались смешными. Северу тоже – Влад действительно пиздел с выдумкой. Все зашло слишком далеко, когда несколько ребят с подачи Влада нассали в кувшин с водой и предложили маленькому Владу попить. Он сделал глоток, изменился в лице и блеванул. Остальные умирали от смеха. Это стало началом конца.

Во время тихого часа маленькому Владу запрещалось выходить в туалет и разговаривать. Он был простужен: вытирал сопли и постоянно кашлял – остальных это бесило. Они затыкали ему рот скромканной туалетной бумагой. Что делал в это время хваленый двоедушник? Читал книгу. Заступить себя означало привлечь к себе внимание Влада. Но равнодушным уродом Север тоже не был. Однажды вечером он взял маленького Владу за руку и повел его к вожатым, Олегу и Нине.

Лениво прервав поцелуй, они выслушали ситуацию и даже прониклись – позвонили матери Владу. Обремененная еще тремя детьми, та пообещала приехать через неделю: «Нет, как это забрать? Что вы за взрослые, если не можете с детьми разобраться?» Тогда они попросили позвать Влада – эту часть миссии Север взял на себя. Как только Влад поплелся в вожатскую, сам Север бросился в туалет. После ужина ему нездоровилось. Когда он вернулся в палату, маленький Владик мячиком летал между кроватями, ударяясь о них то спиной, то животом.

Север испугался. Сбежал, заперся в туалетной кабинке и сидел там с час, не меньше, пока все не утихло. Темнота и тишина его успокоили – раз спят, значит, конфликт исчерпан. К постели маленького Владу он так и не подошел.

Перед завтраком Север еще видел его живым и невредимым, только выглядел пацан так, словно его все это время тошнило не переставая. Шел ливень, все бежали в столовую, натянув на головы футболки. Место маленького Владу пустовало. Нина решила, что он испугался грозы, и отправила Севера за ним.

В палате никого не было, в остальных тоже. Оставались душевая и туалет. Вода не лилась, но Север все равно постучал, чтобы не испугать маленького Владу, если он все-таки там, и стал очень медленно открывать дверь.

Маленький Владик висел на железном крюке для одежды с обратной стороны двери. Он был легким, поэтому повернулся вместе с ней. Внизу стоял табурет – видимо, чтобы встать на него и подцепить себя к крюку брючным ремнем. Он сгибал колени: чем более глубоким становился обморок, тем ниже он опускался. Его язык и глаза выдались вперед, лицо потемнело до синевы. Он висел, вытянувшись по струнке, совершенно мертвый.

Север подтащил табурет, встал на него и обхватил маленького Владика руками. Тот действительно почти ничего не весил, или так только казалось. Север стащил его на пол, ослабил петлю ремня и рванул на улицу. Удача – вожатый Олег как раз бежал навстречу за оставленным в корпусе телефоном...

Маленький Владик вышел из комы спустя четыре дня, заговорил – через неделю. Примерно тогда же его мама попросила Севера приехать в больницу и навестить друга. Они не дружили, но Север не посмел отказать. Мама Владика пыталась сунуть ему денег и все время повторяла: «Оздоровительный лагерь, ведь это же оздоровительный лагерь...»

Говорить было не о чем. Север сидел рядом с кроватью, положив руки на колени. Интересоваться делами – глупее не придумаешь. Он спросил, помнит ли Владик что-нибудь о произошедшем.

– Про... Влада? – переспросил тот.

– Нет, про...

По-дурацки получилось. Лучше бы о делах спросил...

– Я все помню, – сказал он и взглянул ясно-ясно. – Сначала было хорошо, как от «собачьего кайфа». Это такая игра. В нее нужно играть вдвоем. Ты себя немножко душишь, а кто-то следит, чтобы не перетянуть. Надо резко ослабить веревку. И тогда видишь мультики. Я маму видел, и какие-то синие кубики, еще как прошлым летом ездили в деревню... Но в лагере я ничего не видел. Сначала стало легко, как дома под одеялом, а потом я стал падать. Голова закружилась, все свистело. Было очень плохо. Я хотел пошевелиться, но не смог, как будто сидел в скафандре. И падал все быстрее, быстрее. А потом увидел тебя – как ты пришел, стал меня снимать и убежал. Ты выглядел таким испуганным. Я хотел тебе сказать, что я живой, ничего страшного, но ты уже ушел.

– Но ты не был живой.

– Я знаю. Я видел, что там.

– Там?..

Мама Владика заглянула в палату, чтобы напомнить о времени, – ему нельзя было перенапрягаться.

– Я туда не хочу, – сказал он на прощание. – На изнанку города. Но мы все туда попадем.

Почему я, Господи?..

Дорога лентой стелилась под колеса. Далеко впереди, над лесом, набухла и продолжала расти розовая шишка восходящего солнца. Небо светлело. Северьян улыбнулся наступающему дню, которого он не увидит, и вернулся мыслями к Владиду – где он и что с ним теперь? «У них, сучат, это “собачий кайф” называется». Самоудушение. Игра в асфиксию. Вот почему ему казалось, что он должен помочь девочке Руденко или хотя бы попытаться – искупить вину свою, что ли... Мама, деревня, синие кубики. «Бес в нее вселился». Господи, почему я?

Что-то стремительное, черное и громкое мелькнуло в зеркале заднего вида. Он пригляделся – двое на мотоцикле. Пьяные, что ли? Байк кидало из полосы в полосу. Не успел Северьян прикинуть вероятность разминуться после очередного виража, как тот вылетел из слепой зоны и вильнул наперерез. «Черти, – ругнулся Северьян, выворачивая руль вправо. – Черти, подре...»

Тяжелый внедорожник избежал падения в кювет не иначе как чудом. Пока Северьян ошарашенно наблюдал качавшиеся прямо перед капотом заросли сухостоя, лихач притормозил позади. Все это было похоже на ловушку. Некто в черном костюме и таком же шлеме ужом стек с пассажирского сиденья. Второй остался на месте. Двигатель они не глушили.

От встречи с битой боковое стекло жалобно всхлипнуло и выплеснулось в салон.

– Выходи.

Ничего себе методы! Северьян поднял руки и вгляделся в лицо нападавшего, насколько поднятое забрало шлема это позволяло. Мальчишка. Глаза злые.

– Габор, осторожно! По кузову не бей! – крикнул второй, а судя по голосу – вторая. Просто малолетние угонщики. Вот же история...

Северьян послушно выбрался наружу и отряхнул колени. Осколки посыпались на асфальт. При виде его облачения парень с битой отступил на шаг.

– Священник!

– И что? – отозвалась его подруга. – Давай за руль. Резче!

Первый удар заставил Северьяна упасть на колени, второй – приложиться лбом к земле. Дверь собственной машины захлопнулась у него за спиной. Всем спасибо, поклон да и вон.

На противоположной стороне дороги чернел крест с венком – напоминание о том, что ангел-хранитель летает со скоростью не более 100 км/ч. Северьян усмехнулся, попробовал встать, но ничего не вышло – ноги его не держали. Он прилег обратно и наблюдал за происходящим из-под полуприкрытых век: а вот и друг наш Есми – тоскует на месте своей внезапной смерти, кенотаф спиной подпирает...

– Рина! Ри-ина-а!..

Такого Северьян не ожидал. Мертвенький знал имя девчонки на мотоцикле! И бежал сюда изо всех сил, только челку ветром раздувало.

Она не ожидала тоже – взвизгнула, отпустила тормоза и пулей сорвалась с места, опередив своего дружка, который, бледнее бледного, сперва тарачился на бегущего Есми, а после дал задний ход, вырулил на обочину и поспешил вслед за ней. Машина покидала Северьяна в клубах придорожной пыли, ведомая шкетом в мотоциклетном шлеме. Видеть это было обидно и грустно.

– Рина, – прошептал Есми, глядя на опустевшую дорогу.

– Знаешь ее? – прохрипел Северьян и неимоверным усилием воли заставил себя сесть.

– Сестра. Это я во всем виноват.

– Я б на родителей попенял.

Длинные ноги Есми помаячили рядом, затем он тоже присел: обхватил руками колени и печально уставился вдаль. Такой симпатичный, юный, лет двадцать пять, не больше. И уже такой мертвый.

– Родителей давно нет. Они погибли. Марину воспитывал я, так что...

– Связалась с плохой компанией? – делано посочувствовал Северьян. – Понимаю. А ты, стало быть, и адрес ее знаешь?

Есми понурил голову и качнул головой.

– Разумеется.

– И ты мне его скажешь.

Тут к парню пришло некое понимание – он пристально посмотрел на Северьяна. Белые, как у всех недоумерших, глаза придавали его лицу с длинным носом и острыми скулами рисованный анимешный драматизм.

– Не скажу. Вдруг ты причинишь ей вред?

Трогательная братская забота. Даже посмертная. В его словах определенно был резон – на его месте Северьян поступил бы так же.

– Слушай, – сказал он после недолгих размышлений. – По идее сейчас я должен отправить тебя на изнанку города. Провести ритуал. Он неприятный, но не хуже того, что с тобой уже произошло. Однако в таком случае я вряд ли отыщу твою резкую сестрицу. Машин у меня, сам понимаешь, не ангар – всего одна, и та в кредит.

– Я хочу умереть! – Парнишка явно разволновался. Оглянулся на свой крест – осточертел, поди, до кровавых мозолей, – затем снова вперился в Северьяна взгляд блестящих глаз. – Я для этого Рину и позвал. Хотел, чтобы она вас

задержала. Не грабить, а привести ко мне. И вы б меня тогда...

Час от часу не легче. Позвал он ее, значит. В определенных кругах нечто подобное называется «навести».

- Стой, подожди, - поморщился Северьян. Как человек, которого не каждый день избивали бейсбольной битой, он ощущал по этому поводу телесную скорбь. - Скажи, как именно ты ее позвал? И откуда знал, что я буду здесь?

- Мне сказали другие. Всем известно, что в городе есть двоедушник, который помогает таким, как мы. Из Перово в Нижний одна дорога. Ты не мог мимо меня не проехать. А про сестру... Все просто - я ей приснился.

- Так это правда?

- Что именно? - вздохнул Есми, выводя пальцем на асфальте невидимые круги и зигзаги.

- Ну... Про сны. Вы действительно можете?..

- Можем, если захотим.

- Окей, - подытожил Северьян, которому все это порядком надоело. Прежде чем расстаться со своей разумной ночной ипостасью и перейти в неразумную дневную, сиречь Севера, он рассчитывал успеть переодеться и принять душ. - Услуга за услугу. Я отправлю тебя на изнанку города. Отдохнешь там, остановишь внутренний диалог, в себе разберешься. Крест этот больше никогда не увидишь. Но сначала ты отведешь меня к сестре. Ничего я ей не сделаю. Просто поговорим. Я, знаешь ли, неплохо умею убеждать. Она вернет мне машину, а ты отправишься на покой. Иначе ищи себе другого двоедушника. Советую сразу рвать в Москву, там народу больше. Может, лет через пятьдесят один такой и народится.

- Ты меня без ритуала убиваешь, - поник Есми. Северьян протянул ему ладонь, и тот стиснул ее своими ледяными пальцами: - Игнат.

- Северьян. Но ты можешь звать меня просто «батюшка».

Спустя мгновение обоим не стало. По трассе пронеслась груженная фура. Ее обогнала легковушка. Начинаясь новый день.

2

Машина была нужна ему, неживому, как ведьме метла – сгонять в незнакомую местность. Для всего остального имелись другие способы. В отличие от жены, которая каталась по городу исключительно на «Паджеро» и иного не представляла. Именно Вика официально значилась владельцем транспортного средства. Она вносила ежемесячный платеж по кредиту. И она же – к гадалке не ходи, – узнав об угоне, для начала озвучит весь свой обсценный лексический запас ночного бармена, а затем сломает о спину Северьяна швабру.

Думая об этом, он опять промахнулся: вышел из полупути не за дверь квартиры, а перед ней. В нос шибануло воню кошачьей мочи и застоялого курева.

– Здра-ас-сте вам, батенька!

Именно так всегда и говорила. Будто подозревала, что никакого «батюшки» он не заслуживал. Прежде чем обернуться, Северьян нацепил на лицо выражение елейного благодушия, которое в моменты раздражения особенно ему удавалось. Соседка. Вечно бодрая до отвращения, – а бодрость в пять утра, считал он, нужно запретить законом – хозяйка трех котов и дрожащей собачонки – той самой, что терлась сейчас возле его ботинка.

– Соскучились? Своих приехали навестить?

– Первым поездом. Так бежал, что вещи где-то посеял.

Легенда была заготовлена заранее и по мере возможности поддерживалась каждым: Севером, Викой и самим Северьяном. Соседи знали его как «брата-близнеца, он священник, живет в Москве». Видели нечасто. В итоге даже Вика со своим ночным образом жизни вызвала гораздо больше вопросов, чем тихо присутствующий за стеной отец Северьян. Хочешь стать незаметным – оденься

в черное. Хочешь исчезнуть вовсе – пусть этим черным будет ряса.

– Ну ничего. Брат-то поделится, – поддержала соседка. Северьян предпочел бы, чтобы вместо этого она оттащила собаку и отправилась восвояси. – Как же хорошо, когда братья так дружны! Время такое, что держаться нужно за родных, больше не за кого. А с женой его ладите?

– Вполне.

– Красивая девушка, но уж очень...

– Много работает! – раздалось за спиной вместе со скрипом гнилых лестничных ступеней. – Доброе утро, Нонна Карленовна.

Северьян почувствовал увесистый тычок в больную спину. Вика отперла дверь и втокнула его в прихожую. Лязгнул засов, вспыхнула тусклая лампа. Вика сбросила кеды и, пока он разувался и снимал осточертевшее облачение, устало прошлепала в кухню. Утро развенчало ее грим: четче проступили морщинки, тушь не выдержала и осыпалась с накладных ресниц, поредевшие блестки-звездочки под глазами выглядели дешево и жалко. Оставшись в одних джинсах, Северьян подошел к ней, положил ладони на острые плечи и уткнулся носом в серебристый затылок – волосы пахли нескончаемым праздником коктейлей и шотов. Он попытался задержать ее, но она высвободилась из его рук – напряженная, трезвая и злая. Плеснула в чашку холодной вчерашней заварки, разбавила водой из остывшего чайника, сделала один глоток и оставила чашку на столе.

– Ключи от машины брось на тумбочку. Я спать.

– Вик...

Только когда Северьян протянул ей свернутые в несколько раз купюры, полученные от Вырыпаева, она наконец-то на него посмотрела.

– Что с лицом?

Он пощупал царапины: проклятье, совсем забыл...

– Есми.

Ее глаза вспыхнули недобрым огоньком.

– Это всё?

Признание в том, что его отходили по спине битой, влекло за собой разговор об угоне, но время для подобной откровенности выдалось явно неподходящее. Вика и так обо всем узнает. Погорюет денек, а к следующей встрече, глядишь, сподобится обсуждать проблему конструктивно. Все эти мысли пронеслись в его мозгу молниеносно. На смену им пришла обычно загнанная глубоко внутрь себя досада – Вика никогда не выказывала ни малейшей жалости, не предлагала помощь, не тащила лед и перекись водорода, ни одного клятого лейкопластыря на него не истратила. Все эти квохтанья наутро доставались Северу. Кто бы спорил – не слишком-то приятно засыпать, не зная, проснешься с расцарапанным лицом, сломанной рукой или выбитым зубом, да и проснешься ли вообще. В этом смысле Северьян своей дневной душе бледненько, но сочувствовал. Однако сочувствие не отменяло того, что двоедушник – это они оба и больно им обоим тоже, а впрочем, кого и когда это волновало.

– Ключи, – повторила Вика, прежде чем скрыться в спальне.

– «Ключи-и», – шепотом передразнил он и показал тому месту, где только что стояла жена, вытянутый средний палец.

Время поджимало. В темноте и тесноте ванной Северьян быстро разделся, бросил вещи на пол, включил ледяную воду и подставил ноющую спину под ее струи. «Что такое, нафиг, куделька?» – подумал он прежде, чем закрыть глаза, и уже не слышал, как переодевшаяся в пижаму Вика вначале постучала в дверь, а затем, не дождавшись разрешения, вошла и поддела ногой его скомканные джинсы. Сунув их в стиральную машину, она выключила душ, задернула влажную шторку, наспех умылась, почистила зубы и снова вышла.

«Родственника из Москвы» там уже не было.

* * *

– Вик, ты, случайно, не знаешь, что такое куделька?

– М-м, – сказала она в подушку. – Общая могила для самоубийц? Нет, подожди. Я путаю со скудельней.

Север погладил ее по щеке.

– Люблю тебя за это. Спи еще, я тут пока...

– «Прясть кудель...» Что-то сказочное. Может, пряжа? Ведьма прядет кудель.

– Доброе утро, сказочница.

Медленно, чтобы ее не потревожить, Север выбрался из-под одеяла и попытался встать с постели, однако тут же со стоном повалился обратно.

– Что? – вскинулась Вика. Глаза в пол-лица, протянутые руки – сон слетел с нее мгновенно. – Где болит? Здесь? Или тут?

Ее пальцы касались то плеча, то груди, то живота. Несмотря на боль, Север ощущал блаженство, особенно острое сразу после пробуждения. Вика поняла это и тут же перестала его трогать.

– Принесу банеоцин, – пробормотала она и ушла, взъерошенная и неловкая без контактных линз.

Север привычно визуализировал морское побережье, подышал по методике квадрата, дотянулся до лежавшего на полу айфона и некоторое время пролистывал ленту «Инстаграма», механически расставляя лайки.

К собственным снимкам прибавилось штук десять. Постоянные подписчики, не сразу увидевшие его обновления в ленте. И то хлеб.

«Куделька это...» – напечатал Север в строке поиска «Гугла».

– Асбест! – озвучил он для Вики. – Наверное, не то. Завиток волос, кудряшка. Синонимы: баранчики, божьи ручки, гарлупа.

– Только гарлупы нам и не хватало... – Жена присела рядом на кровать и щедро обсыпала его щеку толченым антибиотиком. В остальном еще предстояло признаться. – Северьян притащил?

– Да, такая мутная история... Есми сказал ему. Я не уверен, что Северьян понял, насколько это важно.

– Блин. – Вика устало потерла глаза. Она почти не спала. – Вот Северьян пусть и разбирается, ты-то здесь при чем?

Она упрямо делила его надвое, напрочь отказываясь принимать тот факт, что проблемы Северьяна – их общие. И наоборот. Странное словечко «куделька» не шло из головы, и там, в голове, оно было написано с большой буквы, как имя собственное.

– Что еще?

Милая Вика. Милая, нежная, умная Вика, которая вкалывала в чертовом баре так, как должен был вкалывать он сам, ради того, чтобы любимый гений каждый день мог творить свое пустое, тщетное, скучное – то, что он считал искусством, но никому, ровным счетом никому не мог этого доказать. Кадры, сделанные на улице камерой обыкновенного смартфона, практически украдкой, – в навыке незаметности Северу не было равных. Кадры в полупустом «Инстаграме». Кадры, брошенные в никуда. Милая Вика, нам обоим жилось бы легче, не будь ты настолько пронизательна и дотошна.

– Северьяна избили и угнали машину, – выпалил он и мысленно сжался.

Надо было отдать ей должное – никаких истерик и паники. Ни проклятий, ни криков. Вика медленно села, так же медленно натянула на плечи простыню и повернула к нему убийственно спокойное лицо.

– Расскажи все, что ты видел.

– Двое ребят, – в тон ей ответил Север, мгновенно заражаясь ее уверенностью (вот только у нее было такое право, а у него – нет). – Подростки. Я запомнил номер мотоцикла.

– Отлично. Я позвоню Маге.

– Стой! – выкрикнул Север так, что сам себя испугался. Не обратив на него внимания, Вика невозмутимо отыскивала в списке номер своего шефа. – Отдай телефон. Не надо жертв. Это всего лишь машина!

– Это моя машина, – мрачно заметила Вика и жестом попросила его замолчать. – Мага, дорогой, – щебетнула она в трубку, но Север выхватил из ее руки телефон и по-детски спрятал его за спиной.

– Северьян все решит, – промямлил он, понимая, как жалко и неубедительно звучит. – Только попозже. Он знает, где искать эту девочку.

– Все, что делает Северьян... – недобро повысила голос Вика, – ... превращается в цирк с конями! В комедию! Балаган! Наша гроза нечисти просто стоял и смотрел, как мамолетки уезжают на моей машине, я правильно понимаю?

– Северьян неспособен причинить вред живым людям.

– Так может, пора научиться?..

Швырнув простыню на кровать, Вика через голову стянула ночную сорочку, бросила ее следом и нагишом вышла из комнаты. Север слышал, как яростно гремит посуда, и даже кофеварка заворчала особенно зло, будто шипела и плевалась тем, что осталось произнесенным: «Т... нчтжств».

Он ненавидел ссоры. Она тоже. Оба знали, что скажут и сделают дальше.

Стиснув зубы, Север изо всех сил сдерживал за ними слова. Слова были настойчивы. Слова оказались сильнее. Будешь молчать, намекнули они, застрянем у тебя в глотке. Тебе ведь нужен воздух? Ну же, воздух, совсем немного воздуха, всего глоточек...

– Признайся, тебе ведь нравится! – выкрикнул он. – Цирк, комедия, балаган – нравятся! Ты жить без всего этого не можешь!

– Слабые духом восстают, чтобы падать, – огрызнулась с кухни Вика и замолчала.

Тишина. Бывает же такая тишина... Кран в ванной снова течет: кап, кап-кап, кап-кап-кап. Последний ремонт делали еще при жизни бабушки. Десятилетний Север до осточертения долго соскребал старые бумажные обои, размачивая их водой из пульверизатора. Здесь, в этой самой комнате. В том, чтобы превратить заплесневелую коробочку в серо-шершавое пустое пространство, ощущался своеобразный азарт. В наушниках тогда плотно поселился «Мумий Троль». Смысла некоторых песен Север не улавливал, но вероятный визит лунных девиц завораживал. «Карнизы шаткие ведут туда, где тротуаров нет», – от этих строк сквозило свободой. И пока Север в своем воображении лихо преодолевал[4 - «Мумий Троль» – «Лунные девицы».]«парсек за пять» сек, скребок работал веселей.

Сейчас в том, чтобы что-то здесь чинить, не было никакого резона. Дом аварийный. И сами они – двое, нет, трое молодых Арсеньевых, – на грани краха. Заведомо предназначены под снос с тех пор, как Вика поняла правила игры и сделала вид, что приняла их. «Я справлюсь, – уверяла она. – Главное, вместе. Это же не навсегда? Рано или поздно он уйдет, и ты станешь нормальным». И тут же: «Прости, прости. Ты не ненормальный. Всего лишь двоедушник».

Да, и не прикоснусь к тебе ни до, ни после свадьбы. Но вот он... Нет, давай называть его по имени, абстракции порождают суеверия. Северьян. Я просто пытаюсь сказать, что не буду против, если вы... Он – меньшее из зол, я смогу с этим смириться, ты не обязана записываться в монашки вместе со мной, это не брак, а извращенная пытка какая-то получается.

Представьте, что некая Вика живет с близнецами. Один ее любит, другой с ней спит.

Господи, до чего больно.

Все еще разбитый и слабый, Север поднял себя с кровати и подтащил к окну. Барак, в котором они жили, не подразумевал внятного вида. Прямо напротив чернел кривой сарай в два уровня. Север не помнил, чтобы когда-нибудь видел его открытым. В детстве, да и теперь, подспудно, он был уверен, что внутри вповалку сложены трупы. Зачем еще нужно было строить нечто настолько

уродливое, как не для долгой, стыдной и мучительной смерти? Сарай несколько раз поджигали бомжи, но и после этого он уцелел. Уличные художники расписали обугленный торец развалюхи в монохром – белые фигуры на темном фоне: девочка-лебедь, мальчик – воздушный шар, смерть в балахоне и керосиновая лампа. Севера паранойило. Будто кто-то нарисовал их жизнь, жизнь Арсеньевых. Мальчик с головой-шаром держал в руке точно такой же, со своим лицом – они улыбались друг другу: «I'm OKAY!». Девочка-лебедь лукаво поглядывала на сторону, лампа не давала света, смерть обулась в «конверсы» и вот-вот воспарит... Нужно купить баллончик и закрасить нахрен. У меня такое глупое лицо... Дебильная улыбка придурка. Зачем это все?..

Я вижу вас. Но не его глазами, а сверху, словно я уже умер, обутый в «конверсы», и воспарил: всю эту вашу ночную возню на простынях вижу, первый раз думал – вскроюсь. Ничего, не вскрылся. Проснулся, позавтракал, вышел на улицу, фотографировал людей. Так за них цеплялся... Обычные люди. Нормальные. Живут, ходят. Мечтают о чем-то обычном. Нормальном. Вернулся потом, сварил гречки. Сидел, жевал ее и твердил про себя – гречка, гречка, гречка... Пиво, пиво, пиво. Дым, дым, дым. Фокус в том, чтобы забить себе голову и перестать думать. Не возвращаться в прошлое. Сидишь ты здесь, видишь красный карандаш – и он есть. А того, что было, – нет. Но к этому нужно еще приноровиться, поэтому приходится напоминать себе: карандаш, карандаш, карандаш. Держаться за то, что можно потрогать руками. Непридуманное. Твердое.

– Дождь, – пробормотал Север, ни к кому не обращаясь. – Дождь будет. Дождь.

Вчерашние футболка и джинсы свисали со спинки стула. Север осторожно оделся, сунул в правый карман свой телефон, а в левый – на всякий случай – телефон Вики и вышел в прихожую. Натягивая кроссовки, он поглядывал в кухню. Вика голым вопросительным знаком застыла возле окна с кружкой в руках. Она наверняка приготовила бы ему завтрак, но просить не хотелось, а если бы он начал жарить яичницу сам, это выглядело бы так, будто он обижен. Сейчас ему лучше было убраться и позволить ей отдохнуть после ночной смены. Кофе и бутерброды можно перехватить по дороге.

– Пойду дрейфовать, – как можно более дружелюбно сообщил он Викиной спине.

– Ага, – сказала Вика.

- Пока.

- Ну пока.

Собаку, что ли, завести? Гулять с собакой – не то же самое, что слоняться по улицам, фотографируя дома и прохожих. В прогулке с собакой есть хоть какая-то, пусть и самому себе придуманная обязанность. Жить от одной прогулки с собакой до другой – в этом просматривалась цель. А еще собаки любят людей. Да, они же любят людей! Собаки преданны людям и всегда в хорошем настроении.

Случайная идея вдруг перестала казаться Северу абсурдной. Спускаясь по лестнице, он пытался представить собаку – их с Викой собаку. Ничего не понимая в породах, Север воображал ее длинноухой, золотистой и в меру лохматой, чтобы жене не приходилось убирать отовсюду шерсть. Есть ли у Вики аллергия? Что, если у нее аллергия?..

Но как хорошо, должно быть, когда в доме есть кто-то живой и веселый.

А потом, возможно...

И внезапно он почувствовал в своей ладони маленькую ладонь, увидел беззубую улыбку одними деснами и круглые глаза, в которых нет ничего, кроме радости и любопытства, и даже запах ощутил – трогательный сладкий запах...

Свой маленький человек. Тот, кому можно подарить целый мир, показать и рассказать, как сложно, запутанно, но интересно тут все устроено. Научить словам и звукам. Видеть, как он становится самим собой. Подарить миру – его...

А вдруг он родится больным? Вдруг двоедушникам вообще не дано становиться родителями?

Чушь. Главное, избавиться от Северьяна. Потому что если собака – это просто дорого, то ребенка еще нужно сделать.

Каждую ночь Север ложился спать в надежде, что для Северьяна она окажется последней. Скольких Есми он должен отправить на изнанку города, чтобы

наконец уйти туда самому? Примерно триста шестьдесят пять душ в год, прикидывал Север, в течение девятнадцати лет – это почти семь тысяч, население небольшого города. На самом деле, конечно, меньше: Северьян находил недоумерших вовсе не каждую ночь. Но даже если их было шесть тысяч. Пять. Неужели этого мало, чтобы вторая душа освободилась от своей повинности?

Северьян точного числа тоже не знал, но любил пошутить про миллион. Выходит, прежде чем стать свободным, Северу придется прожить двоедушником три тысячи лет. Всякий раз при мысли об этом он почти решался выпить уксус.

Впрочем, в отличие от него, Северьян приносил в дом деньги. Не пойми кто, мертвецкая сущность – и то зарабатывал...

Выдрав себя из тоски, Север обнаружил, что сидит на пустой детской площадке. К подъезду трусила соседская собачка. Следом появилась Нонна Карленовна. Север помахал ей, и она тут же сменила курс. Он был этому рад: кто-кто, а Нонна Карленовна никогда не поддавалась унынию. Схоронила пьяницу-мужа, дочь, маленького внука: дикая, нелепая история – мальчик погиб, катаясь с горки в детском саду, удавился шарфом. Север хорошо его помнил. Тёмка, серьезный и взъерошенный, как воробей, не выпускал из рук детской лопатки и вечно потихоньку что-то копал. Мать его, Лина, не сдюжив похорон, той же ночью выпила бутылку водки вперемешку со снотворным, уснула и не проснулась. Ее он помнил тоже – худенькая, утонченная, несмотря на простоту. Разбавленная немецкая кровь. С такой же неизменной улыбкой...

– Здравствуй, Севочка!

– Доброе утро, Нонна Карленовна. – Он встал – сидеть казалось невежливым – и потрепал за ухом кроху-пса. – Как здоровье?

– Ноги по утрам немеют. Только бы совсем не отнялись. Вышли вот с Лютиком. Дождь, наверное, будет.

– Обязательно, – сказал Север. – В такую жару не повредит.

– Вот надо же, – сказала Нонна Карленовна. – Все-то тебе хорошо. Все-то правильно. Два брата – а такие разные.

Они улыбнулись друг другу.

– Дорого стоит такая собачка?

Люттик замер у Севиных ног, высунув крошечный розовый язык, и глядел выпуклыми глазенками.

– Дорого. Мне же зять купил, сама бы я взяла в приюте какого-нибудь бездомного бедолагу, но он настоял – померанский шпиц, родословная...

– Ну сколько?

– Сказал, пятьдесят тыщ.

Вика пошлет его к черту. И родители Вики, которые переводили ей на карту по двадцатке в месяц. А первым его пошлет Северьян.

Приют – это отличная идея. Столько животных нуждается в доме, но не находит его, потому что кому-то важна родословная. А детям нужна семья...

– Бальзамин твой посадила, – как оказалось, продолжала Нонна Карленовна, – и львиный зев.

– Антирринум не забудьте проредить, – машинально отозвался Север, глядя на окна своей квартиры на втором этаже, прямо над острым козырьком подъезда.

Его балконные клумбы и правда притягивали взгляд. Пожалуй, они были единственным, что его здесь притягивало – нежно-плетистая эшшольция, усыпанная крошечными белыми звездочками цветов. Разноцветный портулак. Годеция Майден Блаш, тагетес тонколистный. Два островка рукотворного рая. Цветоводство Север полюбил внезапно – точно так же, как понял, что хочет завести собаку. Увидел на рынке, куда часто приходил за колоритными кадрами, прилавков с яркими пакетиками. Рука потянулась сама, будто к игрушке – в детстве. Семена стоили копейки. Что делать со всем этим богатством дальше,

Север не представлял, но добросовестно очистил заросший участок земли возле дома от одуванчиков и разбил цветник. Огородил его обломками кирпича и каждый день с удивлением поглядывал на свой рукотворный черный квадрат то с мыслью о том, что прямо сейчас где-то там зарождается жизнь, то с боязнью, что жизнь умерла только потому, что ей не повезло попасть в его неопытные руки – и чувством вины за это.

Однако жизнь оказалась сильнее – и победила, проложив себе путь к свету: однажды утром удивленный творец увидел над поверхностью ее крошечные радостные ростки. В тот миг Север почувствовал, что с него будто спало невидимое проклятие. Жизнь крепла, вбирая в себя дождь, солнце и ветер. Она не боролась за себя, не рефлексировала, не сомневалась – просто была. Фацелия, календула, кларкия, годеция... Девчонки в ярких платьях (косички, самокаты и банты), они кому-то неудачно преградили путь. Нога в ботинке сорок шестого размера, не меньше, превратила Севину клумбу в утоптаный армейский плац быстрее, чем он успел выложить в «Инстаграм» очередные кадры быта местных маргиналов.

На следующий день он купил два глубоких пластиковых ящика с металлическими скобами для крепления и повесил их под окнами. Жизнь, которая не могла защитить себя сама, нуждалась в его защите.

Хлопнула дверь подъезда. Жену он узнал бы, даже облачись она в рясу Северьяна. Натянутый на лицо капюшон толстовки тем более ее не спасал.

– Вик, Вика-а!

Она не остановилась и не обернулась, наоборот – ускорила шаг.

– Извините, – пробормотал он. – Я... Мне надо... – и бросился в погоню.

Догнал за углом, схватил за рукав. Вика выдрала руку и замерла напротив, подбоченясь.

– Ты далеко?

– Хлеб закончился.

Она помахала перед его лицом икеевской авоськой, с которой ходила в магазин из соображений заботы об окружающей среде. Не так давно Вика начала практиковать веганство, и Север, рассудив, что это меньшее зло, чем то, которое он причиняет ей фактом своего существования, отказался от мяса тоже. Это не было чем-то сложным или наоборот значимым. Он не чувствовал никакой осознанности. Ему было все равно. Готовила Вика так себе. С тех пор как на их столе окончательно воцарились овощи и крупы, она хотя бы стала вкладывать в их обработку чуть больше фантазии.

- Сказала бы - я б купил...

- Ну что ты, как можно, - состроила рожицу Вика, и он понял - началось то, чего она обещала не делать. Неизбежное. - Ведь ты же... Творишь. Работаешь.

- Верно, - сказал он. - Верно. - И отступил, ссутулил спину в попытке стать незаметней и для нее, и для себя, и для одышливого краснолицего толстяка, который притулился к стене и скручивал крышку с полторашки пива «Охота», чтобы столь же незаметно для Севера его употребить.

Он шел, загребая кроссовками пыль с невыметенных тротуаров, почти не глядя по сторонам: ноги, ноги, ноги, пыль, пыль, пыль. Нужна выставка, хоть какая-то выставка, где угодно - не в «Арсенале», так в «Нижполиграфе», в любой затрапезной кафешке, готовой повесить у себя его постеры с бомжами, нищими и рыночными торговками. Глянцевые журналы, куда он отправлял снимки, хранили надменное молчание. Выставка. Может, красиво поснимать Вику? В подъезде или заброшке. Нью на битом кирпиче. Ничего нового...

- И пачку стиков «Хитс». Фиолетовых. Спасибо.

Выйдя на улицу, Север с недоумением посмотрел на маленькую бутылку вина в руке. Плохое, очень плохое решение... Зато можно обойтись без штопора.

В ожидании нагрева стика Север открыл бутылку и украдкой сделал глоток из горлышка. Глянул на моргающий диод «Айкоса» и выпил оставшееся почти залпом. Пустая тара полетела в урну возле «Черниговского». Закуривая кислый привкус вина ягодным дымом, Север сбавил шаг и уже не спеша всматривался в непрозрачные от грязи окна бывших особнячков и доходных домов на своей Черниговской. Сами по себе здания не слишком его интересовали, сталкером он

себя не считал. В каждой истории должен быть персонаж. Север рассказывал о людях. Кому? Ответа на этот вопрос у него пока не было.

В скупых комментариях под фото его работы называли чернухой и обвиняли в том, что он выставляет город с непривлекательной для туристов стороны. Еще б туристы об этом знали...

На Рождественской Север свернул в одну из любимых подворотен – вот она, изнанка города: стоит только нырнуть под арку, и с парадной, мощеной булыжником улицы ты попадаешь в темноту и сырость, где те же самые дома, что красуются перед приезжими отреставрированными фасадами, гниют, рушатся и плесневеют. Внутренний дворик Блиновского пассажа кровоточил нарисованными на стенах ссадинами – целая галерея ран и царапин, обнаженных тел, лиц и конечностей, стоит только задрать голову и посмотреть вверх. Зброшенные купеческие склады напоминали о себе арочными дверными проемами, часть из которых еще сохранила ворота и засовы. Остальные были забиты хламом. Солнце проникало сюда настолько редко, что в одном из таких провалов до середины мая никак не таял огромный ноздреватый сугроб.

Ничего особо важного не предвиделось, однако айфон по привычке лежал в ладони, и как только во двор, сверкая спицами, вкатилось кресло-коляска, Север несколько раз нажал на кнопку регулировки звука. Со стороны это выглядело как если бы он просто держал телефон у груди. Парень в кресле внезапного папарацци не заметил. Казалось, он кого-то ждал. Севера заворожило некрасивое, вытянутое лицо инвалида. Неестественно опущенные уголки глаз придавали его выражению гротескное уныние. Черные цыганские локоны свисали до плеч и, похоже, давненько не знали стрижки, хотя сам он одет был неплохо, пожалуй, даже лучше Севера – белая футболка, такие же джинсы и кроссовки, и все бы хорошо, но лицо... Кем бы он мог быть? В голову приходило одно непотребство. Полету фантазии помешала девчонка с прозрачным целлофановым пакетом в руках, которая выскочила из дверей безжизненного с виду офиса или магазинчика – Север понятия не имел, чем занимались те, кто снимал здесь помещения в аренду, – и устремилась навстречу колоритному уроду с улыбкой, очевидно отрицающей его возможные перверсии. Человек как человек. Просто не повезло с фасадом.

Неуместно топтавшийся на месте Север сделал еще несколько кадров, развернулся и, уткнувшись в телефон, побрел обратно. Вдвоем они выглядели

лучше. По пути он обработал выбранный снимок фильтрами в VSCO и сразу выложил его в «Инстаграм». Красавица и раненое чудовище на фоне своего полуразрушенного, но не взятого замка...

Чуть дальше Блиновского пассажа, если идти в сторону площади Народного Единства, среди множества столовых и баров – а Рождественская была словно создана для того, чтобы здесь бухать, – скрывался еще один бар, «для своих». Попастись туда можно было только по приглашению кого-то из завсегдаев: ни вывески, ни рекламы, вход через ресторан грузинской кухни, секретная дверь со звонком, лестница и, наконец, комнатуха, больше напоминавшая чулан – возможно, бывшая прислужницкая тех самых купцов, что владели особняком до революции. Специально приглашенный из Германии дизайнер превратил ее в пространство, напоминавшее палату для умалишенных: те же мягкие стены, железные койки и тумбы вместо привычной мебели, пластиковые шторы, которыми можно было отгородиться, чтоб никто не видел слез, оброненных в коктейль. Замазанные белой краской стекла не пропускали свет – его вообще было маловато. Вечная ночь, тусклые лампы в металлических плафонах и царство депрессии. Называлось все это «Яд Ракедров», и именно здесь работала барменом Вика. Владел небольшой персональной психбольницей щуплый мальчик по имени Мага с выбритыми висками и хвостом на макушке. Вещи от молодых российских дизайнеров и белоснежный Tesla Performance – где он только его заряжал в этом городе? Разве что в другом. Кажется, Вика говорила, что ее босс учился в МГИМО...

Денег не было, поэтому Север решил зайти. Бар еще не работал, но на дребезжание звонка из-за двери высунулся долговязый Константин – администратор, который торчал здесь почти всегда. Блик лампы сыграл на узких стеклышках его очков, на мгновение превратив их в непрозрачные.

– Вики нет, – сообщил он хмуро.

– Я знаю. А чего-нибудь получше?

Константин посторонился, впуская гостя, и запер за ним дверь. Сверху приглушенно долбило что-то по традиции безысходное.

– Новое? – поинтересовался Север. Константин терпеливо ждал, пока он поднимется. Железные светильники, прикрученные к стене, почти не разгоняли

темноту, а ступени были настолько продавленными и узкими, что скатиться по ним не составляло труда.

- «Barbie Trip To Hell», - с безупречным произношением сказал администратор.

Когда оба оказались в «палате», Константин изобразил в воздухе скупой жест одним указательным пальцем, и громкость звука плавно увеличилась. Музыка отправляла прямиком на дно. Север с размаху бросился на койку и замер со сложенными на груди руками. Пружинная сетка мягко покачивала его вверх и вниз.

- Что будешь?

В своем отглаженном медицинском халате поверх рубашки, с прямым носом и твердыми скулами Константин отчаянно напоминал перспективного гарвардского аспиранта.

- Ну такое, - задумался Север. - Для вдохновения.

Спустя минуту в его руку легла колба с бесцветной жидкостью. На шот это походило мало. Север повел носом и неуверенно пригубил.

- Водка, что ли?

- Чистая. Сам же просил - для вдохновения. Запишу на счет Вики.

Совсем не хочет работать, чистоплюй. Впрочем, в настроение, как обычно, попал.

- Где ты учился? - спросил Север, когда колба опустела наполовину. Молчаливый Константин все это время полировал мягкой тканью стекло витрины, за которым поблескивали бока разнокалиберных бутылок.

- ННГУ, - ответил он после секундной паузы. - Отделение психологии.

- То есть ты здесь практически по специальности?

– Абсолютно.

Севера в качестве клиента он не рассматривал и выслушивать его проблемы не собирался. Похоже, для этого нужно было заплатить за коктейль.

Внутреннее наконец-то пришло в соответствие с внешним: Север расслабленно смотрел в потолок и моргал все медленней. Казалось, еще немного, и он поймет нечто очень важное. Значимое не только для себя. Расскажет об этом – и его наконец услышат.

– Константин, – произнес он вяло – мысль напозала на мысль, как волны прибоя у паромной переправы на Волге. – Скажите честно – Мага к моей подкатывает?

Краем глаза он заметил, как администратор оторвался от своего увлекательного занятия и выпрямил спину. Музыка снова поутихла и шептала теперь чуть слышно.

– Рад, что ты переживаешь за Вику, но у Маги есть бойфренд.

Север растянул губы в усмешке – подобного варианта он не предполагал, однако тот, пожалуй, мог считаться идеальным.

– А ты?..

– А я, – терпеливо ответил Константин, – и есть его бойфренд.

Внезапно развеселившись, Север сменил положение так резко, что перед глазами на мгновение поплыло.

– То есть, выпивая тут с тобой наедине, я нахожусь в гипотетической опасности?

– Не более чем любая малопривлекательная девушка, которая выпивает наедине с тобой, когда ты выполняешь свои рабочие обязанности.

Самое пуританское в мире общество Севера ничем не угрожало даже его жене, но Константин об этом, разумеется, не знал.

– Твоя философия о том, – продолжал он нудеть, – что все люди при определенных обстоятельствах готовы вступить в интимные отношения с кем угодно, ущербна. А вот фотографии талантливой, поздравляю.

Север тут же вцепился в комплимент хваткой профессионального попрошайки:

– Тебе нравится? Я рад! Есть уникальная возможность организовать выставку прямо в «Яде». Станете первооткрывателями нового имени, таким у нас везде почет.

– Заманчиво, – не оборачиваясь, бесстрастным тоном телефонной помощницы Алисы произнес Константин. – Мы подумаем.

– Хей-хо! – с нарочитым воодушевлением воскликнул Север и задернул шторку, пока этот гад не заметил, в какое отчаяние поверг его своими словами.

Оставшись в относительном одиночестве, Север прилег и поудобней устроил голову на сложенных лодочкой руках. От выпитого невероятно клонило в сон. «Только не засыпа...», – сказал он себе и немедленно вырубился.

Внутренний оператор ловко перевел камеру из режима субъективной съемки на общий план. Север увидел и Константина, который как раз в этот момент оторвался от разглядывания журнала и бросил пристальный взгляд на шторку, за которой спал он сам, и отчего-то абсолютно голого и мокрого Северьяна – вторая душа явно не понимала, где и почему оказалась. Но как только почуявший неладное Константин подошел убедиться, что незваный гость беспробудно дрыхнет, на полу возле кровати остались только отпечатки влажных ног.

Чего у Северьяна не отнять, так это скорости реакции.

Свой способ передвижения в пространстве он называл «хождением тропами соблазна», «божественной телепортацией» и иногда «полупутем». Сцена поменялась: затемнение, квартира Арсеньевых, кухня.

– Твою мать! – вскричала героиня и выронила авоську.

- И тебе день добрый.

Взяв кухонное полотенце, Северьян неторопливо промокнул им волосы. Вика наблюдала за ним с недобрым прищуром.

- А где Север?

Вторая душа хранил таинственное молчание. Своих он не сдавал.

- Надрался и спит?

Северьян бросил полотенце обратно, открыл дверцу холодильника и созерцал полки с таким видом, будто стоял перед витриной французской буланжери.

- В «Яде»?..

Ничто не предвещало беды - Север и сам не понял, с чего вдруг в его дражайшую супругу вселился бес, но через секунду она уже колотила Северьяна по плечам и спине, а тот с хохотом уворачивался, однако теснота кухни не позволяла ему избежать побоев окончательно.

- Вик, - твердил он. - Вика!

Она не унималась, хоть и явно подустала.

- Больше никогда, никогда! - разобрал Север сквозь всхлипы, которыми сопровождалась сцена домашнего насилия. - Сволочь, ну какая сволочь!

Видимо, все еще переживала из-за угона. Пожалуй, ее можно было понять.

- Ненавижу тебя, ненави...

И если вначале Северьян поддавался и выглядел добродушно, то теперь мгновенно переменялся - поймал Вику за запястья и прижал к себе так, что она почти не могла шевелиться.

– Мы договаривались не бросаться такими словами, – сказал он с жутковатой серьезностью.

– А бросаться машинами можно? – пискнула она из своего заточения, но уже без злости. Скорее жалобно.

Пока Северьян молча что-то себе прикидывал, Север мысленно умолял их обоих остановиться и не поступать с ним так хотя бы сейчас, посреди дня, когда он был к этому не готов и смотрел на них из фальшивой больничной палаты, отделенный от Константина с его «камингаутом» всего лишь тонкой клеенчатой шторкой.

Они не послушались. Как, впрочем, и всегда.

«Мне больно», – скажет он вместо «привет», когда вернется и найдет Вику в постели все еще довольной и расслабленной. «Прости», – скажет она, засыпая обратно, и даже не выругает его за то, что напился до обеда, а он выйдет на балкон, чтобы укрыть от дождя свои клумбы, и вдруг увидит нечто, не замеченное раньше – их возвращенную машину.

Так. Это моя история, и я придерживаюсь абсолютной правды: Ликачка продает туловца. Она рада мне, а я ей. Ликачка выходит и обнимает меня: «Саша!» Смотрит на меня и все понимает про Сплюшку – думаю, она беспокоится о том, кому будет продавать туловца, если я вдруг самоуничтожусь или сломаюсь. Иногда жизнь настолько гротескна, что вам остается либо смеяться, либо плакать. Я? Обычно я начинаю хихикать и выгляжу настолько глупо, что унижаю тех, кто рядом. «Ничего, ничего», – говорит она и гладит меня по голове.

С самого утра я чувствовал себя так, будто лег в гроб, опустил крышку и защелкнул замки, но Ликачка обняла меня, и я перестал думать о Сплюшке, а потом она отдала мне пакет с фарфоровыми туловцами, за которые я выложил хорошие деньги. Это были самые прекрасные туловца с пробочками в горловинах, которые могла изготовить Ликачка, и сейчас они лежат у меня на коленях, а я собираюсь уезжать. Осталось дожидаться Люс. Мы еще немного болтаем и курим, пока не начинается дождь. Ликачке надо работать: она помогает мне заехать под арку, чтоб я не промок, целует меня в щеку и убегает. Люс не появляется. Льет все сильнее. Мне холодно. Я пытаюсь пожалеть себя –

представляю, что я пес, который вынужден выходить из дому, питаться и требовать игр, но рядом нет никого, кто может все это дать, и прямо вижу эти огромные проникновенные глаза под густыми собачьими бровями. Ничто не заставляет его радостно повилать хвостом. Едва ли в моей жизни есть что-то, что заставило бы меня повилать хвостом, даже если бы он у меня был.

С обеих сторон вода. Мне хорошо одному, но люди приходят – мокрые и пьяные, они веселятся, от их голосов у меня начинает болеть голова.

Люс все еще нет. Мы не виделись вчера, когда я должен был заниматься рекреацией, но она не торопится, будто бы ей глубоко лениво, хотя мне не хочется думать, что это на самом деле так. Обычно я избегаю поездок в одиночестве, только если Люс будет со мной, а она обещала. Очень сложно, когда твое кресло застревает в дверях автобуса или ты не можешь попасть на другую сторону улицы из-за припаркованных машин. Вот бы Люс надевала джинсы, а не короткие юбки – когда на нее смотрят, никто не понимает, что она моя девушка. Думают, это милая социальная работница выгуливает своего подопечного, лишь бы заработать на красный дипломчик в институте и больше с этим говна куском ничего общего не иметь. А я жарю ее, как хочу, вгоняю так, что треск стоит. Все должны узнать. Но я боюсь попросить ее переодеться.

Если бы люди ушли, я мог бы отлить прямо здесь. Они говорят, открывают пиво, говорят еще громче. Ужасно неудобно.

Я уже почти решаюсь, когда купол зонта раздвигает поток воды, и под ним оказывается Люс. Она стряхивает зонт, хватает пакет с головами и оседлывает меня, как обычно, но сейчас я сталкиваю ее с коленей.

– Обиделся, что ли?

Ее голова тоже кукольная, волосы слева коротко острижены, а справа длинные, в носу, прямо посередине – колечко, и сиськи как мячики. Я нашел ее в «Тиндере», вернее, ее подругу, но подруга заболела и не пришла, а вместо нее пришла Люс. Мы давно вместе, у нас отношения.

– Ссать хочу, – говорю.

– Ну так давай.

Люс настойчиво пытается расстегнуть мне ширинку, я отпихиваю ее руки, пакет с туловцами болтается в одной из них. Сейчас она по-настоящему меня бесит, и я нарочно щипаю ее, а потом наезжаю коляской ей на ногу. Пакет падает на асфальт.

- Урод, - шипит Люс и поддает его ботинком.

Я лавирую, чтобы дотянуться, а когда снова смотрю на Люс, она взасос целует одного из пьяной компании, притиснув его к кирпичной стене.

Некоторые дни просто дерьмо.

3

«Сходи туда, сходи к ней, сходи, сходи, сходи! - целый вечер талдычил Север, еще и на бумажке записал: «СХОДИ», - и прицепил ее к зеркалу, прежде чем лечь, чтобы Северьян не забыл и не проигнорировал его безмолвный крик. - Там точно беда!»

Проблема с машиной была решена, а что в конечном итоге случилось с угонщиками - убил ли их обаятельный Мага, чье имя (или прозвище) всякий раз отправляло Северьяна напрямик к кортасаровской «Игре в классики», покалечил или просто припугнул - его не волновало. Впереди ждала встреча с одержимой девочкой - при мысли об этом щемило желудок. Будто предчувствие... В предчувствия он не верил - боишься, Северьяшка, боишься того, чего не понимаешь, - да и что такого страшного могло произойти? Если девчонка и правда одержима Есми, он вряд ли сможет помочь и просто уйдет. Уйдет и не станет винить себя в этом. Но мертвый ребенок внутри ребенка живого... Разве возможно?

А тут еще Север со своим «сходи», зудел и зудел, как жирная навозная муха, и его заполошная тревога поневоле передалась Северьяну, как ранее перенял он таблицу умножения, унаследовал наизустное «Бородино», название столицы Бангладеш, представления о долге, верности и чести, а после - нежность к Вике. Не любовь. Вторые души не влюбляются.

Уже одетый в отглаженную, с запахом стирального порошка рясу, он тщательно, волосок к волоску, зачесал набок волосы. Сбрызнул их, еще влажные, Викиным лаком, пригладил вновь. Подперев изнутри языком, рассмотрел щеку, на которой должны были остаться следы ногтей Есми, но их не осталось. Мученик Север вновь принимал телесные раны второй души на себя, аминь.

Вспомнился Игнат. Мальчик-Есми с длинной челкой, который мечтал, но не мог умереть. Каково это вообще – перестать жить и помнить, как это случилось? Должно быть, мучительно хочется назад, в жизнь, особенно когда видишь ее, но словно сидишь у дороги, как он, этот мальчик, опираясь спиной на свой собственный крест, а мимо тебя – живут... Вторые души призваны отправлять Есми на изнанку города. Существует ли кто-то, способный вернуть их на лицевую сторону? Спасти? Оживить?..

Северьян часто об этом думал. После того как смирился с собственной недосмертью, с тем, что вынужден оплачивать долг, непрошенный и не взятый, с дорогой в один конец – стать живым у него тоже шансов не было. И все это – хождения по ночам в поисках Есми, разговоры с людьми, которые не подозревали в нем того, чем он на самом деле являлся (и не заподозрили бы никогда, настолько кошмарной и недопустимой была правда), жаркая постельная возня с Викой, неотличимая от настоящей, – только продлевало агонию, ту самую предсмертную агонию, в которой он бился, когда Север еще только намечался жить, и бьется до сих пор, в то время как Север уже живет.

И даже слова эти – живой, мертвый, – когда он их думал, напоминали неотличимые друг от друга шары на бильярдном сукне. Сталкиваясь, они издавали похожий звук – глуховато бились боками и отлетали в разные стороны бескровно, можно сказать, стерильно.

Что за мизантроп сочинил сюжет, в котором бороться приходилось не за жизнь, а за то, чтобы наконец-то сдохнуть?

Решил сходить к Рине. Нет, не ради Севера пойдет он к девчонке, что увела у него машину, не ради его спокойствия, а потому что спокойствие это очень нужно сейчас Игнату. Он и так в плачевном – мог бы по-другому назвать, конечно, – состоянии и без его, Северьяновых, невыполненных обещаний.

– Ты тут ни при чем, ясно? – огрызнулся он, глядя в недра квартиры, где в тепле и уюте беспробудно спал Север. Беспробудно – потому что спящего двоедушника вроде как невозможно разбудить, а если перевернуть, чтобы ноги оказались на месте головы, он умрет. Так утверждал всезнайка «Гугл». Подлинности информации они не проверяли.

Север спал и видел, как Северьян расчесывает волосы и поливает их лаком, видел, как он топырит языком щеку, вешает на шею наперсный крест, хмурит брови. Обувается в кеды – сегодня черные. Дверь не отпирает. Просто растворяется так, словно его и не было, ровно в тот крошечный отрезок времени, которого хватает, чтобы опустить и вновь поднять веки.

Интересно, должно быть. Северьян и сам бы глянул со стороны. Но вместо этого он вышел из полупути на богом забытом километре трассы М-7, вдохнул сырую прохладу леса, оглох от тишины. Отыскал взглядом крест на обочине – тут он, куда ему деваться... Поленился подходить, крикнул:

– Игнат!

Тот вскинул голову, различил на противоположной стороне дороги знакомого священника и шустро ввинтился в полупуть, чтобы через мгновение оказаться рядом. Счастливый такой – даже трогательно.

– Отец Северьян! Я думал, вы не вернетесь.

– Да какой я тебе отец, – отмахнулся он одновременно и от парня, и от нахлынувшей вдруг сентиментальности. – Об уговоре помнишь?

– Главное, вы не забыли! – с тем же щенячьим восторгом подтвердил Игнат. Радовался тому, что скоро умрет. – Готовы? Давайте я вперед, а вы – за мной.

А иначе и не получится. Полупуть как канат с привязанным на конце крюком: чтобы забросить и подтянуться, нужно сперва найти зацепку. Знать, куда метишься. Игнат в качестве такой зацепки и подойдет – места Северьян не знал. Даже адрес, если б Игнат согласился его назвать, не помог бы. Нужно глазами видеть, вспомнить, хотя бы раз побывать... Полупуть – мертвячий маршрут, живое туда не втащишь. Это он как раз проверял однажды: с умирающей кошкой. Кошка лежала на льду, растопылив лапы. Рядом – клетчатое одеялко.

Куцее, будто детское. Завернули, чтобы сбросить с моста – странная забота... Северьян посмотрел сверху вниз, заметил зверя, секунды не прошло, как спустился – благословен полупуть! Лед под ногами был крепок, и вокруг, куда ни глянь, – замерзшая река, потому и светло, несмотря на то что ночь.

Он поднял одеяло, стал перекладывать на него обмякшую, с раскрытой пастью, но еще живыми глазами кошку и только тогда заметил ее раздувшееся брюхо. Ждала котят. За что тебя так?.. Он не судил огульно, не был к тому приучен. Жизнь – она разная. Матери детей своих бросают не всегда от нелюбви и с легким сердцем. Жизнь разная. А тут кошка.

Воображение нарисовало ее в дрожащих детских руках, и пьяный мужской голос грохочет: «Унеси эту дрянь, верни ее туда, откуда взял!» А как вернуть, если купил за свои же деньги, сэкономленные на школьных завтраках? Неделю ходил мимо бабки, которая стояла у перехода с коробкой, а оттуда – кошка. Его кошка, и она ждала – нужная сумма все равно не накопилась, – бабка отдала за то, что было. Где ее теперь искать, эту бабку? Да и не возьмет обратно, наверняка рада, что избавилась...

Оставить в подъезде? Отец догадается и все равно выкинет. В магазин? На чердак?

«Прямо сейчас иди и верни! Чтобы я ее больше не видел!» – и куртку швырнул прямо в руки, на которых притихла почуявшая неладное кошка.

Оделся, схватил первое, что под руку попало – клетчатую тряпицу, в которой сам же когда-то лежал в коляске. Уйду, из дома уйду: раз ее не хотите видеть – и меня не увидите! Уйду – а сам на морозе без шапки, в одной только этой куртке. И с кошкой.

Я тебя не брошу, ты – моя.

Надо к Дашке, у нее собака и два попугая. Попросить, чтобы на первое время... Завтра объявления напечатать: «Отдам в добрые руки». Только в очень добрые. Не такие, как у него.

Дашкины окна – темные. Двенадцать ночи. Все-все окна темные, никому ты не нужен, никому вы не нужны.

Холодно, до чего холодно... Ветер будто уже под кожу залез, пальцы совсем не сгибаются. Только под курткой живое, теплое... Шел, шел, шел, сам не зная куда, только бы не обратно – нет после такого никаких «обратно». Мост. На мосту машины, огни... Перебежал через трамвайные пути, побрел, упрямо наклонив голову, по пешеходной дорожке. Я тебя не брошу, ты – моя. Вспомнились налитые кровью глаза отца, брызги слюны с перекошенных губ. Это всего лишь кошка, а крику – будто какую дрянь домой притащил. Ненавижу его. Тебя люблю, а его – нет. И он нас с тобой ненавидит тоже.

Лед, река. Больше некуда нам, кошка. Даже имени тебе не придумал, не успел. Зимушка. Кошка Зимушка. Нравится? Хорошо.

И почти уже перелез через высокий парапет – сильно выше себя, пришлось низом, – когда чьи-то сильные руки дернули назад за воротник, да так внезапно и резко, что одеяльце выскользнуло из окоченевших пальцев...

Северьян и подумать не успел тогда, что Зимушке нельзя в полупуть. Торопился к Вике – у нее соцсети, знакомых вагон, может, отыщутся и ветеринары. Но когда шагнул в спертое тепло квартиры, накалившее батареями и обогревателями, показывать ей то, что осталось от несчастного животного, было уже нельзя. Поплотней завернув одеяльце, он вышел во двор, как обычные люди – через дверь, и отнес сверток к обгоревшему сараю. Приютил в заиндевелем дальнем углу – и будет с ним.

Ни он, ни Север никогда больше об этом не вспоминали.

А сейчас вот вспомнилось. Нет, Север не читал его мыслей – единственный островок свободы имел форму Северьяновой головы, – поэтому вспомнилось одному только Северьяну и крутилось, вертелось, юлило, пока молодой Игнат театральными взмахами рук и воздушными поцелуями прощался с местом своей аварии и уходил, как и договаривались, первым. А когда Северьян вслепую последовал за ним, ему стало совсем не до воспоминаний.

* * *

В длинной и узкой прихожей с запахом ношенной обуви Северьян первым делом поймал за руку Игната. Он не знал, были ли в квартире люди и сколько их. Если

сестра Игната где-то здесь, появление умершего парня, отпетого и похороненного, вместо счастливых слез и объятий принесло бы еще одного мертвеца, тогда как с визитом обокраденного ею попа у нее оставался шанс отделаться сединой и легким заиканием.

Убедиться, что с девчонкой все в порядке, и отправиться по другим, более насущным делам – таков был его самый элементарный на свете план.

Северьян легонько ткнул Игната в грудь, затем указал на пол и наконец приложил палец к губам: «Стой здесь и ни звука».

Стандартная планировка довоенных еще четырехэтажек: слева санузел, прямо по курсу – коробочка кухни, справа – пара дверей в такие же коробки жилых комнат, оклеенные изнутри обоями в мелкий цветочек. Колонка наверняка газовая. Чтобы распознать район, хватило даже короткого взгляда за окно в кухне – Автозавод, центр. Один из тех не лишенных шарма домов сталинской архитектуры, что строились в тридцатые наперегонки с самим производством – для работяг. Соцгород I, в отличие от типового окраинного Соцгорода II, задумывался как город-сад и действительно густо зеленел. Проспект Ильича, кажется. Точно, он.

Заглянув в пустую кухню, Северьян обернулся на Игната. Убедился: дело плохо, бедолага совсем поплыл. Привалился спиной к двери, дышит через силу, руками шарит по дерматину так, словно пытается себя в него вживить. Понять его можно – после смерти домой вернулся... Да и черт с ним, пусть эмоционирует, вряд ли его от этого кондратий хватит.

Ближайшая комната оказалась спальней Игната – судя по идеальному порядку на письменном столе и заправленной кровати, здесь давно не жили. Были еще какие-то книги, и постеры, и прислоненная к стене гитара, но вся эта лирика Северьяна не интересовала. Он заглянул в оставшуюся комнату – окно зашторено, шкаф-сервант во всю стену, разложенный диван. Белье смято. Кажется, никого. Северьян привстал на цыпочки, чтобы разглядеть ту часть комнаты, что скрывалась за диваном. Там, под окном... Темнеет что-то. Мешок? Нет.

Нащупав выключатель, он засветил лампу. Сощурился, поморгал. Крикнул:

– Игнат! – и бросился в кухню.

В коридорчике они едва не столкнулись лбами. Пока Игнат что-то там причитал, Северьян отыскал в кухонном ящике нож и вернулся.

– Воды принеси.

Резал скотч, которым запястья Марины были примотаны к батарее, потом другой, что стягивал ее лодыжки, и вспоминал: Север так и не отдал Вике телефон, но, пока он дрейфовал по улицам и набирался в «Яде», она сходила к своему Маге сама. Пешком, ножками. Еще и двенадцати не было, а в четыре машина уже стояла под окнами – быстро ребята сработали. Девчонка от ночных приключений отоспаться не успела, а уже за них поплатилась. Дружок ее с дурацкой кличкой Габор тоже навряд ли только словесное внушение получил, но вот уж о ком он точно беспокоиться не станет...

Когда Северьян сорвал клейкую ленту с ее губ, Марина слабо подала голос.

– А? – разволновался Игнат, который топтался рядом со стаканом воды и скорее мешал, чем приносил пользу. – Что она сказала?

– Ругается, – пояснил Северьян. – Нормально все будет. Не били, припугнули только. И отвязать забыли.

– Забыли? Да они нарочно это сделали, она бы умерла, если б не мы... Вы... у нас же нет никого. У нее... То есть...

– А-А-А!

С неправдоподобной скоростью ожившая Марина совершила прыжок, за который ей полагалась бы олимпийская медаль. Приземляясь, она ухитрилась цапнуть забытый Северьяном нож и теперь жалась с ним в углу: острие направлено на Северьяна, взгляд – на Игната.

Она открывала и закрывала рот, но слова не выходили.

– Спокойно, – сказал Северьян. И повторил: – Спокойно. Это не я подослал тех ребят. Жена психанула.

Но Марине, кажется, было не до него.

– Живой? – спросила она с вымученной улыбкой. – Игоша, ты живой, что ли? А очки мои зачем надел, дурачье?..

И обмякла. Северьян и Игнат подставили руки одновременно.

* * *

– А правда, ты чего в очках?

На переносице Игната прочно сидел раздобытый, видимо, в прихожей артефакт – круглые окуляры в металлической оправе. Тот немедленно стянул их и пристально посмотрел на Северьяна.

– Ничего не замечаете?

– Нет, – ответил он честно.

– А так?

Игнат приблизил лицо вплотную, и только тогда до Северьяна дошел смысл его маскарада: сам он был привычен к внешнему виду Есми и уже не замечал жутких белесых глаз недоумерших. Для Марины они, конечно, стали бы сюрпризом, но едва ли меньшим, чем оживший братишка. Игнат что, собирался водить ее за нос? Притворяться живым?..

– Мне пора, – отрезал Северьян и засобирался.

Игнат вскочил и поспешил за ним, не слишком уверенно цепляясь за рукава рясы, которые Северьян тут же с легкостью высвобождал и шел дальше.

– Отец Северьян... Отец Северьян, подожд... Подождите!

Наконец, додумался – преградил собою выход, уперся руками и ногами в дверные косяки.

– Дайте мне сказать.

Оба понимали, что полупуть вот так не заткнешь, и Северьян, пожелай он этого, хоть сейчас окажется снаружи – но и Игнат там же. И станет преследовать несговорчивого двоедушника до тех пор, пока не осточертеет. Только поэтому Северьян не двигался с места.

– Если вы уйдете, Рина перестанет меня видеть. Откроет глаза – а здесь никого.

«И это будет хорошо и правильно, друг мой», – думал Северьян, не перебивая. Разум нормального человека найдет способ объяснить себе увиденное с минимальными потерями. Для всего найдется своя логика. Гораздо более гуманная, чем правда.

– Дайте мне время. Я столько не успел ей сказать! Или нет... я знаю, я сейчас!

Он скрылся в своей комнате, а вернулся с двумя рыжими купюрами в руках – заначка, не найденная сестрой.

– Вот, возьмите! Больше нет. Хотя бы день. Этого хватит на один день моей жизни?

День просит, блаженный. Дня не было и у Северьяна – только ночь, ночь и снова ночь, чтобы отправлять таких, как Игнат, на изнанку города. Расплачиваться ими за возможность умереть. И вот стоит тут эта говорящая валюта, деньги свои пихает. И не понимает, о чем просит.

– Ну, бывай.

– Разве я мертвый? – в отчаянии выкрикнул Игнат, но выслушивать стенания Есми о своей участи было последним, чего Северьяну сейчас хотелось. Он твердо вознамерился закончить разговор исчезновением. – Мертвым бывает больно? А страшно? Мертвые – любят?

– Ой, вот только не...

– Куделька.

Северьян вздрогнул – не показалось?

– Куделька, – повторил Игнат и осел, потирая лоб. Смотрел на Северьяна, но будто не узнавал.

– О чем он говорит?

В дверном проеме стояла бледная взъерошенная Марина. Ее голос привел Игната в чувство – торопливо отвернувшись, он снова спрятал глаза под очками и встал, обернулся к сестре, теперь уже совсем как настоящий.

– Я тебе объясню. – И посмотрел на Северьяна: – Можно я ей объясню?

Слово «куделька» впивалось в щеку фантомной болью. Может, у них, Есмарей, присказка такая? Насчет объяснений он ответить не успел – Игнат уже втащил Марину обратно в комнату и захлопнул дверь.

Только бы хватило ума не врать... Не протягивать хлеб истощенному от голода, чтобы тут же сожрать его самому. Не давать надежды, которая и не надежда вовсе, а оборвавшаяся веревка, которую немедля заменят новой. Северьян прислушался. Различил: «Двоедушник... я покажу. Только не кричи». Стало спокойней. Он ушел в кухню, в чужом холодильнике отыскал бутылку ледяного радлера и – понял, наконец, ради чего здесь оказался.

Слегка заветренный срез сервелата влажно поблескивал с нижней полки всеми своими жиринками. Северьян от счастья едва не прослезился. Желудок, изредка полнившийся Викиным веганским силосом, призывал скорее оттрапезничать. Но Северьян гурмански не спешил. Уткнувшись носом в срез, он глубоко втянул в себя аромат костей, субпродуктов и отходов мясопроизводства. Достал тарелку и нож. Положил перед собой колбасный огрызок, вознамерился нашинковать его тончайшими слайсами, но вместо задубевшей сервелатной плоти лезвие резануло воздух.

– Гори в аду, – не расстроился Северьян и, обхватив колбасу уже приятно скользкими пальцами, собрался ее куснуть.

Хлопнула дверь. Вожделенное яство выскользнуло и покатилося под стол, на глазах обрастая пушистой шубкой.

Марина вскрыла бутылку радлера, подцепив крышку за кольцо, будто чеку гранаты, и разом опустошила ее на треть.

– Докажи!

Северьян даже уточнять не стал – досада за испорченную трапезу была велика. Пожевав вместо колбасы собственный язык, он шагнул в полупуть.

И наступила тишина. Громкая до глухоты, нежелания слышать что-то, кроме нее. В плеске речной воды, шуршании песка, крике ночной птицы со склона отчетливо различался ответ на все его незадаанные даже самому себе вопросы: как бы ни была глубока твоя обида, как бы ни кровоточила рана, если что-то действительно нужно тебе, важно, ценно – не сдавайся. Кажется, хватит уже, пожалуйста. Отборолся, отвоевал, а тут снова?.. Да. Может, еще и не раз. Мы устали еще до рождения. Шагаем по улицам, и за каждым – тянется, тянется, тянется сукровицей следок... А если мы все устали, все мы одинаково устали настолько, что нет сил голову поднять, – не то что смотреть друг на друга, не то что слышать, – значит, вообще все зря. Потому что мы никогда и не встретимся, не посмотрим друг на друга, не поговорим. Знаешь, ты знаешь, все всегда заканчивается хорошо. А если не хорошо, значит, еще не конец. Знаешь...

– Все закончится СМЕРТЬЮ! – не выдержал и выкрикнул он прямо в воду эту, в песок, птице этой блаженной. – Я умру, умру, умру, ясно?

«О-о-о!» – откликнулось эхо.

– Отец Северьян...

Голос испуганный. Слышал.

– Батюшка...

– Не отец я тебе, говорил же. Нет во мне веры, и смирения тоже нет. Интернет-магазин фабрики «Софрино», тридцать косарей, пыль в глаза, вот и весь тебе батюшка!

– Ладно, ладно, – опешил Игнат. Даже руки поднял, будто Северьян мог его своими словами пристрелить. – Вернитесь, пожалуйста. Она... поверила.

Марина стояла там же, где он ее оставил, и выглядела просветленно. Притихла, глаза горят, и смотрит так, будто перед ней вовсе не никчемный ряженный священник, а существо крылатое и божественное. Только б на колени не упала и не начала молиться... Он представил, как эта девчонка с обкусанными губами, запинаясь от нетерпения, твердит заученные слова и смотрит, смотрит на него снизу вверх своими ведьмовскими глазищами, и понял, что от подобного зрелища не отказался бы.

– Мне так много хочется у вас спросить... – заговорила она дрожащим голосом, и Северьян немедленно вспомнил о делах. – Но я не знаю, с чего начать.

– Позже, – хмуро сказал он, замаскировав под этим словом другое – «никогда». – У меня встреча.

– С потусторонним?

– С одержимой.

Марина неуверенно оглянулась на брата – тот стоял за ее спиной уже без глупых очков. Оба напоминали придуманных и нарисованных в убогой обстановке комнаты персонажей: светловолосая девочка в длинной футболке с Пикачу, мальчик с белыми глазами...

– А это, случайно, не Олечка Руденко?

Игнат пожал плечами, а Северьян склонил голову к плечу и ждал продолжения.

– Ну, Оля... Дочь физрука из нашей школы, ты его не застал, – объяснила она Игнату. – Адовая какая-то история... Про нее в газете написали! Никуда не уходите, – это уже Северьяну.

Марина метнулась в санузел, а вернулась со сложенной вчетверо пожелтевшей газеткой. Развернула слипшиеся страницы, покивала им как старым знакомым и протянула Северьяну. Он пробежал взглядом по строчкам. Ничего нового, кроме имени, не узнал.

– Да, она.

– Я знаю их адрес! Это не то, что ты подумал, – добавила она в ответ на вопросительный взгляд брата. – Я просто провожала Олю домой, когда ей стало плохо в школе, ясно? Могу отвезти!

Не его катать хотела, конечно, – побыть с братом. Однако в предложении таилось заманчивое обещание экономии. Через полупуть в незнакомую квартиру ему не попасть – пришлось бы вызывать такси. Привлекать к себе и своим маршрутам лишних людей да еще и платить им за это Северьян терпеть не мог. Но... Всегда возникали какие-то «но»: сейчас она скажет, что ехать придется на мотоцикле. И вот уже летит по ночному Автозаводу черная колесница, ведомая черным всадником с черным монахом за спиной, и местные алкаши от зрелища такого бросают свою водяру и бу?хаются на колени... Или бегут за добавкой... Или...

– У меня машина возле подъезда, – прочитав по его лицу, добавила Марина. – Тут недалеко ехать, минут десять.

– Рина, не... – выступил вперед Игнат, но она так на него зыркнула, что продолжения не последовало.

– Я получила права. Сдала! Сама! С третьего раза!

Лицо Игната вытянулось. Он неуверенно улыбнулся, а потом подбежал, обнял сестру так крепко, что она вскрикнула, и легко приподнял над полом.

– Вот! А ты боялась! А ты – не верила!

– Я же для тебя. Чтобы ты гордился.

Со своего места Северьян видел абсолютно счастливое лицо мертвого парня, и внутри ворочалось что-то, ранее лежавшее смиренно: то корябнет острым углом, то отпустит, то снова прихватит так, что слезы из глаз. Для этого, что ли, была поездка в Перово? Мужик Вырыпаев со своей Натахой, бейсбольная бита, разгневанная Вика и ее головорезы... Для этого?

– Я безумно тобой горжусь, – сказал Игнат, и Северьян уставился в пол. Подумалось: Марина – так себе хозяйка. Тополиный пух сугробами по углам и под мебелью – пылица...

Они не шептались, но сбавили громкость.

– Ты на дедовой «селедке»? Ну и как она, бегают?

– Не особо, но парни поковырялись...

– Парни. Вот с твоими парнями я бы очень серьезно поговорил...

– А что мне еще оставалось? Ты умер. Деньги закончились. Знаешь, сколько стоили похороны?

– Нужно было меня сжечь.

– Ты же не сказал, что этого хочешь...

Северьян не вытерпел и фыркнул. Только после этого оба, кажется, вспомнили, что он тоже здесь.

– О'кей, – сказал Игнат. Невидимая лампочка внутри него в последний раз моргнула и погасла. Вспомнил, значит, что тут у них не сцена возвращения блудного родственника из затянувшейся поездки, а скорее, вынос тела. – Покажешь, как рулишь?

– Конечно! – подпрыгнула Марина. Северьян только рукой махнул – с него не убыло.

Вышли. Марина жалась к Игнату, Северьян шагал позади. Даже с улицей не ошибся. Все потому, что Автозаводский район был и его родным тоже. Не его – Севера, но какая теперь разница. Неподалеку отсюда, всего-то через парк, в унылой панельке на Лескова жили родители и сам Север – до свадьбы с Викой, после которой молодые переехали в отдельное жилье поближе к центру. Бабушка умерла годом раньше. От потолка в ее квартирке отваливались и падали в тарелку куски штукатурки. Переоформили на Севера, время от времени надеялись на расселение аварийного дома, потом забывали – как и те, кто на это расселение не единожды намекал.

С дурной славой райончик. В городе орудует маньяк? В Автозаводе. Уличные пьяные разборки стенка на стенку? В Автозаводе. Ночью по улицам лучше вообще не ходить, но если еще и в Автозаводе... Это сейчас центральный парк – приятное местечко для долгих прогулок, а в девяностые туда даже местные заходить боялись.

Северово четырнадцатилетие выпало на начало нового века. И вот они – гормональные взрывы, подростковые бунты, одна-единственная попытка уйти из дома, закончившаяся столь скорым возвращением, что никто ничего не заметил, робкая влюбленность в одноклассницу, но не в обычной школе, а в музыкальной – ее звали Вика... Совсем незначительный список бед. Его пубертат можно было бы назвать безоблачным, когда б не Северьян.

Началось с обрывочных сновидений о себе самом, поначалу приходивших не каждую ночь, и оттого казалось – это все от усталости, перенапрягся в школе, пройдет. Не проходило – росло, набирало яркость, крепло. Поначалу неумелый, Северьян перенял у своей первой души то единственное, что помогло ему не озлобиться и не возненавидеть свою новую половинчатую ипостась – любопытство.

Нет, постойте, он должен был разобраться.

Автозаводский парк стал для него не только местом, где днем гуляли мамы с колясками и собачники, а по ночам – маньяки и пьяная гопота. Здешние растрескавшиеся дорожки, которые позже будут облагорожены, и еще не подстриженные в квадрат кусты повидали множество смертей. Стоял на отшибе парка заброшенный летний кинотеатр, некогда известный как «Родина». Для истории архитектуры, наверное, ценный объект: деревянный теремок, украшенный лепниной на тему героического труда эпохи, с ажурной открытой

галерейкой. Внутри, в крошечном по нынешним меркам зале еще оставалось несколько рядов коричневых жестких кресел; резные полуколонны, подпиравшие гнилую потолочную драпку; богато-синий, ягодный – вкусный какой-то – оттенок стен. Когда-то – киносеансы, концерты, детские праздники. Сейчас – тлен в трещинах толщиной с палец, шприцы и битое стекло, дощатые неуспокоенные останки... жизни. Жизни ли? Да, именно так.

Именно там новорожденный Северьян – бледный подросток, еще не видевший солнца, – и встретил первого Есми. Точнее, первую. И еще двоих. Итого трое.

Кто вы такие? Живые? Мертвые? Призраки?..

Навсегда семнадцатилетняя школьница, возвращавшаяся парком от подруги. Это был ноябрь, двадцать пятое число. Еще в гостях стало нехорошо, зазнобило, полный нос соплей. Я почти сразу попрощалась. Он сначала сидел на лавочке, а когда я прошла мимо, встал и пошел за мной. Я побежала. Он тоже. Догнал, затащил в заброшку. Связал руки и задрал мне юбку, а в рот засунул мои же трусики. Я медленно задышалась, пока он...

Не договорила – уткнулась в грудь обычного такого мужичка. Не урка с виду и не бандюган. Сдружились тут, наверное, годами прикованные к одному месту разных своих смертей. Северьян был ей за это благодарен.

Третий – слесарь-механик с ГАЗа. Ну как слесарь-механик – только устроился, поработать еще не успел. Дембельнулся, с братвой тут отмечали. Колян, друг, пришел со своей новой – такая краля, губы красные-красные, буквой «О», так и просят, чтобы их... Веселая девка. Колян видит, что я б ей... (оглянулся на школьницу, сглотнул), и нарочно ее еще крепче жмет. А она ржет и губами так делает... Меня водка совсем расхолодила, стояк такой, что чуть... (снова посмотрел на девчонку, хмыкнул). И я ее к себе позвал. Прямо так и сказал ей – пошли со мной, я тебя приласкаю, не то что этот. Колян только и ждал. Без предупреждения ка-ак сунет мне в морду. А я виском о кирпич – ы-ыть!..

Тот, что девчонку успокаивал, молчал, не спешил рассказывать свою историю. Да и чего ему перед пацаном наизнанку выворачиваться?.. С виду инженер или офисный работник. Может, окна пластиковые продавал. И она к нему так доверчиво... А потом шепнула ему что-то, и Северьян не столько различил, сколько по губам прочитал, и внутри сделалось так погано, как никогда еще не

было.

Папа.

Как он еще мог тут оказаться, если не вздернулся на потолочной балке над тем самым местом, где так страшно и мучительно расставалась с жизнью его дочь?

Чем я могу помочь вам? Кого умолять, чтобы Фриде перестали приносить платок?

Они по очереди подходили к нему и говорили на ухо, трижды – одно и то же. О ритуале, который отправит их туда, куда они должны были попасть, но так и не попали – на изнанку города. Про изнанку Северьян однажды слышал. В больнице, когда Север навещал вынутого из петли маленького Владика. Владик туда не хотел, а для них это было лучше, чем вот так, здесь. Но ритуал...

Я не смогу. Никогда не смогу этого сделать. Не смогу – и все. Я не стану. Поищите себе другого спасителя.

И он ушел, а они остались там, в зале заброшенного кинотеатра – до поры до времени. Они знали, что он обязательно вернется и уже не будет так категоричен. Прибежит. Собственная природа позаботится. Потому что он такой же, как и они, – приговоренный этим своим двоедушным предназначением.

Северьян вернулся спустя пару ночей – позеленевший, дрожащий и нервный. Ритуал перестал казаться ему невыполнимым. В тот момент для него вообще не было ничего, на что он не пошел бы, только бы избавиться от внезапной лихорадки, которая, казалось, грозила переломать ему кости.

Еще недавно он жалел девочку и ее отца, и незадачливого казанову с пробитым виском, но теперь он хотел как можно скорее с ними покончить. Его раздражало то, как невыносимо долго те двое стоят обнявшись – будто не хватило всех этих лет, чтобы наобниматься, – и как мнется убитый дембель, хотя вызвался быть первым сам. Все получилось как-то скомкано и грязно. Стыдно, что ли, как наутро после пьянки, и так же люто, как во время нее. С простейшим по сути ритуалом Северьян справился, ничего, подходящего моменту, внутри себя не испытал. Потом, правда, не сдержался, блеванул, испачкал свитер. Но и тут с каждым разом становилось проще...

«Родину» сравнивали с землей: когда старенький «Мерседес-селедка» Марины проезжал мимо парка, Северьян не увидел знакомых очертаний заброшки. Радио орало что-то про любовь. Марина водила плохо, но с большим азартом. Северьяна на заднем сиденье кидало из стороны в сторону – в поисках опоры он совсем забыл о том, куда едет и что ему предстоит сделать, а когда машина затормозила возле блочной девятиэтажки, вдруг вспомнил. Но было уже поздно.

4

– Он не исчезнет?

Северьян, мысленно уже пребывавший в квартире на восьмом этаже, которая заранее представлялась ему демонической, обернулся. Марина так и осталась сидеть за рулем, Игнат – рядом. Оба глядели на него испуганно.

– Когда вы... ты в прошлый раз ушел, я перестала его видеть, – пояснила Марина.

– Ах, это. – Он запрокинул голову и отыскал взглядом окна семьи Руденко. Крайнее слабо светилось: ждут. – Игнат не исчезнет. Я буду неподалеку.

Прежде чем ему открыли, домофон пиликал секунд тридцать. В исчерпанном маркерами гробике лифта Северьян попытался вспомнить все, что ему известно о бесноватости. Ни-че-го. Есми не вселяются в людей, а если вселяются, то это шизофрения. Откажусь. Посмотрю на нее и откажусь. Пусть идут к психиатру.

Дверь была приотворена. На лестничной клетке курил тощий парень в черной футболке с застиранной надписью «Любимый муж и самый лучший папа». До чего же тошно... Похоже, ровесники, хоть Северьян из-за бороды и выглядел старше. У него самого сейчас вполне могла бы быть десятилетняя дочь. Точнее, у Севера, если б не Северьян.

– Зайди, посмотри. – Парень кивнул на дверь. Сразу на «ты» и никаких «батюшек». – Там жена с ней, не дает спать.

В то, что Северьян сумеет помочь, он явно не верил, а тот уже вошел в роль – прежде чем ступить внутрь, размашисто перекрестился, бормотнул первые слова молитвы. Вошел и замер.

Рыгания были слышны уже с порога. Будто пенопласт переламывают снова, и снова, и снова. Страшно вообразить, что творится в желудке и гортани этого ребенка.... Время от времени эти звуки, будто накопившись, вырывались утробным и низким «Оля». Или «Ого-оля» – точнее разобрать не получалось. Нарочно медля, Северьян начал снимать правый ботинок. Девочка что-то выкрикивала. «Бог, Бог!..» Северьян застыл и прислушался.

– Бог должен благословение давать, а не бабушка!

Ему и до этого было жарко, а теперь пот хлынул по спине потоком. Она знает, что он здесь, но не распознала двоедушника. Есми не вселяются в людей. Бред...

– Ого-оля, – отрыгнула девчонка.

Стоило Северьяну стащить второй ботинок, из комнаты выскочила и вцепилась в него цыплячьими руками крошечная женщина, с виду почти уже старуха. В голове промелькнуло: «Мать!» Это все не от возраста – с горя.

– Посмотрите, – всхлипнула она, взглядом указывая в конец коридора. – Такого раньше не было!

У Северьяна упало сердце. Заранее приготовленные фразы вроде «Я не врач» и «Даже для отчитки[5 - Особый молебен, во время которого священник, имеющий на это благословение архиерея и духовную силу, читает заклинательные молитвы на изгнание из человека падших духов.] потребуется специальное разрешение» разбивались об искаженное ужасом лицо этой маленькой старушки, остатки ярко-синей краски на ее волосах, разношенные тапки и прорехи халата.

– Я посмотрю, – произнес он спокойно и, слегка приобняв ее за плечи, тут же высвободился. – Я здесь для этого. Идите на кухню.

– Спасибо, – шепнула мать с благодарностью и отступила – не заспорила, не побоялась оставлять его с дочерью один на один. Ей тоже нужна была эта передышка, несколько минут в одиночестве. Похоже, Северьян за долгое время был первым, кто согласился сменить ее на посту.

Он ожидал увидеть сцену из фильма ужасов и внутренне готовился к тому, что девочка окажется маленьким сатаной, привязанным к кровати. Или встретит Северьяна, вися под потолком, а потом спрыгнет и попытается в него влезть...

Оля примостилась на краешке кровати. Из-за ее спины выглядывали аккуратно рассаженные вдоль стены плюшевые мишки и зайки. Розовые обои, книжный шкаф, оклеенный огромными алыми сердцами, стол и портфель возле него...

Оля была одета в чистое, волосы заплетены, рядом – раскрытая книга: видимо, читали с мамой в ожидании известного батюшки, хваленого спасителя, чуть ли не экстрасенса. В левой руке у Оли лежал носовой платок, который она прижимала к лицу во время приступов, то есть почти постоянно. «Ого-оля!» – голова на тоненькой шее запрокидывалась и резко кивала. После каждого такого рева Оля крестила свободной рукой желудок. Беспомощный жест, которому научила мама...

Духота стояла жуткая. Из детской словно выкачали весь воздух. Жара – а окно намертво закупорено, ни щелочки...

– Привет, – сказал Северьян, и Оля повернула к нему бледное в свете ночника лицо.

Ох, нет.

Северьян приблизился и осторожно опустился перед ней на колени. Оля икала в платок. Он заставил ее отвести руку от лица и снова взглянул ей в глаза. Долго мучить не стал – отпустил, и Оля уткнулась обратно в свою тряпицу.

Да. Хотя это и невозможно – Есми не вселяются в живых людей! Но глаза Оли не были ее глазами. Сколько он уже повидал таких есмячих глаз... «Этого раньше не было!» – верно, потому что рядом не было Северьяна. Стоит ему уйти, и этот, и тот белоглазый, что ждет сейчас в машине, перестанут быть видимыми. Вот такая двоедушная ирония...

– Ну и как тебя оттуда доставать?..

– Ого-оля! – раскатисто сообщила девочка и запрокинула голову, как если бы провела целый день перед монитором и у нее затекла шея.

– Может, выйдешь?

– Ого-оля!

– Еще не надоело?

– Ого-оля!

– Вот ведь заладил...

С досады Северьян звучно хлопнул себя по коленям, встал и прошелся по комнате. Только теперь он заметил, что здесь было еще и пианино, которое не бросалось в глаза, потому что больше напоминало иконостас.

Чуть сдвинув в сторону Серафима Саровского, он отбарабанил на крышке незатейливый ритм.

– Тебя зовут-то как?

– Егор.

Северьян обернулся так резко, что смахнул рукавом рясы на пол пару распечатанных на принтере икон. Медленно, опасаясь спугнуть нового собеседника, он вернулся к Оле и снова сел, чтобы стать одного с нею роста.

– Егор, хм. А я Северьян. Поговоришь со мной?

Оля надула щеки, будто ее сейчас вырвет, но справилась, проглотила свою «оголю» и кивнула молча.

– Как ты в нее попал?

– Я испугался, а она внутри была пустая, – ровным голосом ответил Егор. – Вот я в ней и спрятался.

Северьян дал себе время осмыслить услышанное, но ничего не получилось.

– Что это значит – «пустая»?

Оля снова заикала, сунулась носом в платок, выдала особо раскатистое «ого-о-ля-а» и вытерла слезы.

– Она хотела умереть, – сказал Егор.

– Она по-прежнему этого хочет?

Егор кивнул. Впрочем, это мог быть очередной мышечный спазм.

– Ты можешь оставить ее в покое?

На сей раз, прежде чем удостоить его ответом, Егор долго смотрел на Северьяна без единого звука. Непонятная проверка прошла успешно – в конце концов мертвый мальчик признался:

– Она меня не выпускает.

Происходило нечто, чего Северьян не мог понять. Мертвый человек внутри живого столь же невозможен, как смартфон, не позволяющий писать бывшим, или, скажем, автомобиль, который вытаскивает тебя из бара и везет домой в тот самый момент, когда ты загашен ровно настолько, чтобы проснуться безгрешным. Невероятней только мертвый человек... в предмете.

– Не выпускает, ясно. – Северьян цыкнул и взъерошил волосы. – А почему? Или, может быть, Оля сама расскажет?

– Она не хочет говорить, – отрезал Егор, и Северьян вскинул ладони, мол, без проблем. – Пока я в ней, а она со мной, дядь Толя не бьет тётю Катю, потому если тётю Катя в больничку, то кто будет с Олькой сидеть?

«У-у, – подумал Северьян. – У-у-у!»

– Тётю Катя не работает, – разоткровенничался Егорка. – Ее на работу не берут, потому что у нее справка. Вот и терпит. «Без тебя я бы нашла где жить, а с тобой кому я нужна?» Она так Ольке говорила...

– Что за справка? – насторожился Северьян.

Мальчишка пожал плечами:

– Мы не знаем.

От этого «мы» защемило сердце. Девочка хотела умереть, чтобы мама могла уйти от отца, а раз нет, то хотя бы одержимой побудет, чтоб не поднимал руку...

Справка могла означать как отбытый срок, так и психиатрический диагноз. Ясно одно – изгонять бесов здесь нужно было не из Оли, а из ее родителей. С этой мыслью Северьян решительно поднялся на ноги. Он уже выяснил все, что нужно, и твердо намеревался донести это до пигалицы с синими волосами и ее мужика, как вдруг за спиной раздался слабый голос, который мог принадлежать только ей. Настоящей Оле.

– Откройте, пожалуйста, окно. Нечем дышать.

Лицо девочки блестело от пота. Северьян и сам взмок так, будто пробежал стометровку. В оконное стекло снова и снова безуспешно билась жирная муха – видимо, ей тоже не хватало кислорода.

Повозившись с оконной рамой – замо?к стоял сложный, не сразу сообразишь, – Северьян распахнул ее настежь и постоял перед москитной сеткой. Все никак не мог заставить себя вернуться в безвоздушное пространство квартиры. Машина Марины стояла там же, под фонарем. Глянул на наручные часы – три, почти светает. Оля в обнимку с одним из своих медведей уже лежала на подушке.

Проходя мимо, Северьян не удержался и погладил ее по туго стянутым в косы волосам.

Но она не спала – цапнула его за запястье влажными пальцами, потянула к себе и смотрела, смотрела, не моргая.

– Что? – не выдержал он, хоть и не отнял руки.

– Куделька, – сказал Егор. – Крестись, что найдешь кудельку! Им знаешь как страшно? В сто миллионов раз хуже, чем нам.

– Да какую еще...

– Сначала крестись, – поддержала Оля.

И пока он подчеркнуто торжественно осенял себя крестным знамением – уснула. Пальцы разжались, нырнули под щеку. Северьян не осмелился будить. Наивные детские клятвы занимали его куда меньше, чем бездумно брошенные взрослые проклятия.

Хозяева дрыхли тоже – прямо в кухне, за столом, под бормочущий телевизор. Между ними стояла початая бутылка водки. Северьян приложился к горлышку, сделал глоток и с грохотом поставил бутылку обратно. Зашевелились. Уставились так, что стало ясно – они напрочь позабыли о приглашенном священнике.

– Дочь – ангел-хранитель ваш, – выплюнул Северьян прямо в их помятые заспанные лица. – В себе разберитесь, а ее оставьте в покое.

– Брешет? Так и знал! – проскрипел глава семейства.

Северьян сморщился, будто от невыносимой вони.

– Не можете вместе – расходитесь нахрен! Ребенка в покое оставьте!

– Э! – мгновенно набычился Руденко и попытался встать, но вместо этого врезался плечом в стену, от чего разозлился еще больше. – Ты, поп... Ты чё

вообще сюда приперся?

Полезь он в драку, у Северьяна не было бы шансов. Он не мог причинить вреда живым. А если б мог – врезал бы этому уроду так, чтобы тот головой расколошматил бы телик свой дурацкий. И курица с синими перьями следом бы полетела. Но Северова воля крепка. Север даром что хлипкий никчемный бездельник, а попытайся сейчас Северьян просто сжать пальцы в кулак, предназначенный руденковской харе, его самого так сожмет – мало не покажется.

«Иди уже, – попросил он себя. – Просто иди».

И пошел – обулся, отпер дверь, закрыл ее за собой не попрощавшись. А на душе было тревожно, словно забыл, оставил в чужой квартире что-то свое. И правда оставил. Ее, девчонку эту с плюшевым медведем в обнимку. Но нельзя же просто взять и привести ее к Вике и Северу, поставить пред их светлы очи – нате вам дочку, любите ее и друг друга. Дурак ты, Северьяшка. Вот же дурак.

А Игнат – с ним-то что делать? Вопрос, конечно, риторический: у Игната отсюда одна дорога – на изнанку города, вот только не сейчас, нет, слишком много всего навалилось, не сейчас.

Северьян подошел к машине. Брат и сестра так и сидели рядом, взявшись за руки. Марина дремала на плече Игната. Заметив Северьяна, тот что-то шепнул ей на ухо, и она сразу открыла глаза.

– Я домой, – буркнул Северьян в опущенное стекло. – Не провожайте. Найду вас завтра, – прибавил он в ответ на их вопросительные взгляды. – По-до-мам!

Что-то большое и темное шваркнуло по крыше машины и отскочило дальше. Северьян отыскал предмет глазами одновременно с тем, как из салона с руганью вылетела Марина.

Это была москитная сетка.

Он догадался чуть раньше, чем Оля коснулась земли и перестала быть Олей. Схватил в охапку Марину, втолкнул ее обратно в автомобиль: «Не смотри!

Уезжайте! Не смотри!» Мелькнули огромные испуганные глаза Игната. Когда Маринина «селедка», шлифанув асфальт, сорвалась с места, он уже пытался нащупать пульс на запястье разбившейся девочки – пульса не было, не было и Егора, больше не было ничего.

– Моя вина, – с трудом пробормотал он искривленными губами. – Прости меня, маленькая. Если сможешь, прости.

В следующую секунду он вывалился из полупути где-то, кажется, посреди дома, да, это точно был его дом с запахом сонных тел и белья, разложенного Викой на сушилке. Разжал ладонь. Выронил клетчатый прямоугольник ткани с окровавленным уголком, сразу же подобрал его, прижал к лицу – пахло Олей.

Так и остался.

* * *

Перед уходом Вика всучила ему бутылку виски, не иначе как позаимствованного в «Яде», – для себя они настолько дорогого не покупали. Вооруженный этой бутылкой, Север сел в первую утреннюю маршрутку до Автозавода. Он будто бы и не просыпался вовсе: все, что случилось ночью, не тускнело, не забывалось, не переставало пугать, как это обычно бывает с кошмарными снами.

Вчера Северьян открыл окно, и в окно выпал ребенок. Если бы он этого не сделал, все вышло бы иначе. Рама крепилась замком-фиксатором, с которым даже Северьян возился с минуту. Оля ведь не могла отпереть его сама. Значит, не могла, раз попросила о помощи. А тут – такой спаситель, ба-а; с такими спасителями даже смерть не страшна, потому что они эта смерть и есть, о чем ни попроси – все исполнят по доброте душевной!

Север закрывал глаза и видел эту девочку. Думал о том, что Северьян не может ударить человека, потому что он, Север, боится возможных проблем, однако всего не предугадаешь, и вчера Северьян стал убийцей. И что теперь будет с ними всеми, с самим Северьяном – неизвестно, но таким он еще не возвращался: Вика нашла его лежавшим на полу в обнимку с грязным носовым платком, а когда попыталась спросить о чем-то, он заплакал. Это Северьян-то. Лежит, взгляд целлулоидный, молчит – и слезы. Север тогда подумал, что слезы

того, кто напрочь лишен эмоций, – это и есть приговор. Знак к тому, что фарш не прокрутить назад: по-прежнему уже не станет – а как тогда?

Еще он думал о том, что скажет этим людям, родителям девятилетней самоубийцы. С чем придет к ним сейчас. «Тут мой брат... Вчера...» – «О, ваш брат. Знаменитый отец Северьян, который всем помогает. Вот и нам тоже... помог». Да, приятель, наворотил ты делов... а ведь хорошо бы они умолчали о том, что был у них в тот вечер некий священник. С какой, правда, стати они должны молчать? Из благодарности за вискарь?..

К дому шел как на каторгу. Знал, куда идти – не потому, что все детство прожил в Автозаводе, а потому что здесь побывал Северьян. Дождя бы... Под подошвами хрустели целые гроздья тополиного пуха – Север наступал на них специально. Хряп. Хряп-хряп. Будто высушенные кости, если можно себе представить целую кучу таких костей. Мимо проехал парень на велосипеде. Строгий такой. Серьезный, будто за все в этом мире отвечал, включая бомжиху, сидевшую на бордюре с видом величайшей задумчивости. Вслед за велосипедистом Севера обогнала девушка на почти таком же – голубоглазая, волнистые волосы, шорты цвета хаки. Глянула на бомжиху, улыбнулась и поспешила догонять своего серьезного. Оба были из какой-то другой жизни.

Фасад девятиэтажки пестрел ржавыми тарелками спутникового телевидения, и выглядело это так, будто их владельцев заранее обязали повесить ржавые, дабы не портить внешний вид дома. Сверху мелкими брызгами поплевывали трубки кондиционеров. Несмотря на утро, жарило немилосердно. Если б только у Руденко был такой кондиционер. Если б Северьян не распахнул окно. Если бы, если бы...

Север набрал номер квартиры. Открывать не спешили. Ему пришлось сделать это раза три после того, как сбрасывался вызов. Успел понадеяться, что Руденко не дома, и обернуться туда, где лежала Оля (пятно замыли), и снова понадеяться, и собраться уйти с чистой совестью, но тут из-за плеча появилась незнакомая рука. Незнакомый палец набрал на кнопках домофона те же цифры.

Север обернулся. Не поверил глазам, но тарашиться постеснялся. Быть того не может, ошибся, ведь это даже не совпадение, а...

– Арсеньев? Ты?

Чистой воды рок.

- Влад, - сказал он, уже не отваживаясь на уменьшительно-ласкательное «Владик», и уж тем более на «маленький» - достаточно того, как исправно косячил Северьян. Кому-то из них двоих нужно быть осмотрительным.

Обменялись рукопожатиями и:

- Тоже к Руденко? А ты их откуда знаешь?

- Да мы однокашники, он теперь у дочки моей в классе физрук. А ты?..

Тут Север замялся - легенды у него не было. В поисках подсказки бегло глянул на маленького, а теперь уже здоровенного бугая Владика еще раз - это в каком же он, получается, звании?

- А ты, стало быть, в полиции?

- Участковым. Я еще тогда решил. Ну, ты понимаешь... Решил для людей...

- Толь, я, - коротко оповестил он в домофон, который на сей раз, как почувствовали, откликнулся почти сразу.

Владу открыли. Несмотря на рост, размах плеч и явно перебитый в прошлом нос, его лицо осталось тем же - детским, с наивным выражением круглых, со светлыми ресницами глаз. Время ничего с ним не сделало. Разве что, в отличие от Севера, он не только не перестал быть здесь своим, но сделался еще роднее всем этим работягам и склочным бабкам, мамашам с колясками, школите, что сперва в поисках кайфа душит друг друга шарфами, а после находит способы подейственней и подороже. Почти что отец родной. Бомжиха и та кивнула - но не ушла. Страху, значит, не нагоняет.

- Беда, беда, - приговаривал Влад, пока поднимались в знакомом лифте на знакомый этаж. Забавно он выглядел - то ли ребенком, то ли мужиком. Когда створки разъехались и сердце Севера ухнуло вниз от понимания, что он совершенно не готов к встрече с Руденко, Влад вдруг посмотрел на него знакомым взглядом затравленного в лагере мальчишки и сказал: - Я ведь тебе

жизнью обязан.

И сразу смутился, вытер лоб рукавом форменной рубахи. Вышел первым. Север даже не успел дать ему понять, как много тот только что для него сделал.

Дверь квартиры была незаперта. Из глубины доносились всхлипы и плач сразу нескольких голосов. Пожилая женщина с покрытыми черной косынкой волосами, возможно, соседка, завешивала простыней зеркало. Делала она это очень обстоятельно: ткань висела надежно, а ее все подтыкали и драпировали до понятного только творцу идеала.

Влад скинул ботинки, подтянул правый носок, чтобы замаскировать дыру на месте большого пальца, и по-хозяйски направился в кухню.

– Толян, – сказал он. Из клубов табачного дыма, которые уже не рассеивались, ему навстречу поднялся пьяный в хламину Олин папаша. Обнялись. Анатолий рыдал. Влад терпеливо похлопывал его по спине.

– Мои соболезнования, – пробормотал Север и выставил на стол принесенную бутылку. Анатолий посмотрел на него, очевидно, не признав в нем давешнего попа. Будто впервые видел.

– Как так-то, Толян? – Влад усадил его обратно на табурет, прислонил к стене и засуетился в поисках чистых стаканов. Он явно бывал здесь не впервой. – Вы же в четыре глаза следили.

– Не уследили, – пьяно шмыгнул носом Анатолий, и Север замер. Вот сейчас он выложит все: и про бесов, и про попа, и про окно. Но тот цапнул наполненный Владом стакан, махом опрокинул в себя содержимое, проговорил: – Катюха открыла окно. – И брякнулся лбом о столешницу. Больше он не шевелился.

– Оля уже пыталась, – доверительным шепотом сообщил Влад. – Ее в это окно прям тянуло. Замок какой-то хитрый поставили, чтобы не могла открыть, у нее моторика нарушилась. Она...

– Я знаю. В газете писали.

– Что типа бес в ней, да. А мне кажется, она после Егоркиной смерти слегка поехала. Она же одна с ним рядом осталась, когда остальные разбежались. И не спасла. Может, себя винила. Кто их знает...

«Себя, – крутил в голове Север, пока Викин вискарь опускался в его желудок, и вместе с горечью, жжением, жаром приходило осознание того, что Северьян снова вышел сухим из воды – мать Оли отчего-то взяла вину за открытое окно на себя... – Себя. Беся. Ябес. Я – бес».

– Ладно. – Влад отодвинул стакан, из которого почти и не отпил. – Еще к Кате загляну и пойду. Служба.

– Подожди.

Север тоже не собирался задерживаться, вот только оставался у него единственный вопрос, и ответить на него мог только маленький Владик.

– Ты тогда...

Пришлось замолчать. Та самая хлопотунья, что прятала недавно зеркала, теперь принесла и поставила на кухонный стол фотографию в рамке. Школьная. Оля с бантами и в белой блузке смотрела бесхитростно и прямо. Улыбалась. Север подумал, что точно такой же она будет на надгробии. Две белые руки пристроили рядом с фотографией мягкую игрушку – небольшого, с ладонь величиной не то мышонка, не то мишку ярко-розового цвета, следом появился стакан воды, прикрытый ломтем ржаного хлеба. Глаза женщины были сухи. «Как хорошо, – подумал Север, – как хорошо, когда есть кто-то, готовый сделать все это за тебя...»

Айфон уже лежал в ладони, хоть Север и не собирался снимать. Несколько беззвучных кадров: уголок рамки, стакан, кисть руки и затылок пьяного мужчины.

– Ты тогда, ну, помнишь, говорил про... изнанку города.

– Пожалуйста, не надо.

Голос Влада – нет, уже Владика, – дал петуха. Сам он втянул голову в плечи и будто съежился, уменьшился в размерах до себя прежнего.

– Что ты там видел?

– Нет. Не скажу. Мне пора.

Влад вскочил, ломанулся в прихожую, торопливо обулся. Вспомнил, похоже, что так и не повидал Катю, потопал туда, откуда неслись причитания – его внезапно стало слишком много. И Север отчего-то отправился следом – оставаться в чужой кухне наедине с пьяно похрапывающим отцом Оли под ее неморгающим взглядом со снимка не хотелось. Кадры, кадры, кадры. Владик потоптался в дверях, бормоча соболезнования. Север стоял у него за спиной, подхваченный внезапной эйфорией. Чужая боль снова и снова отпечатывалась на экранчике его смартфона. Он не сразу заметил, что стало тише – хор плачущих лишился самого безутешного голоса. Катя Руденко смотрела на него глазами-щелочками и беззвучно шевелила губами: «Ты. Ты».

На ее скуле чернел синяк, который она не пыталась скрыть, синие волосы с отросшими седыми корнями, казалось, вообще не принадлежали голове. И жизни в ней не было, в отличие от полнотелой подруги, что сидела рядом и сморкалась в салфетку, – та даже в горе выглядела укорененной в землю: такая все втащит, встанет и пойдет раздавать свою беду ломтями соседям и коллегам по работе. Разделит, выплачет, выговорит – и легче. А Катя эта... Не сделала бы с собой чего.

– Ты! – уже в полный голос повторила она и оказалась перед ним настолько стремительно, что Север запоздало испугался – сейчас безутешная мать выцарапает ему глаза.

Но она повисла у него на шее – невесомая, пахнущая какой-то детской кислятиной; он растерялся, не знал, куда девать руки, зачем-то разблокировал телефон и посмотрел на часы... а она что-то быстро спрятала в его карман. В задний карман джинсов, ошибиться было невозможно. И отпустила, оттолкнула – иди, видеть тебя не могу. Иди.

Влад курил на лестничной клетке. Наградив Севера сумрачным взглядом исподлобья, он раздавил окурок в жестяной банке из-под зеленого горошка,

плюнул туда и сказал, как плюнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Кукольная фабрика Иоганна Кестнера, прекратила существование в 1938-м году. – Примеч. автора.

2

Треба – богослужебный обряд, который совершается по просьбе верующих. – Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.

3

Епитрахиль – принадлежность богослужебного облачения православного священника и епископа – длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь.

4

«Мумий Троль» – «Лунные девицы».

5

Особый молебен, во время которого священник, имеющий на это благословение архиерея и духовную силу, читает заклинательные молитвы на изгнание из человека падших духов.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sheyl_ruta/gorod-vtoryh-dush

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)